

Золотые страницы приключений

Вальтер Скотт
Квентин Дорвард

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1823

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Скотт В.

Квентин Дорвард / В. Скотт — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1823 — (Золотые страницы приключений)

Франция. XV век. Борьба между Людовиком XI и герцогом Карлом Смелым Бургундским разгорелась не на шутку. Отважный шотландец Квентин Дорвард поступает на службу в личную гвардию его величества – и оказывается в водовороте событий. Король поручает ему сопровождать графиню Изабеллу де Круа в далекий Льежский монастырь. Плененный ее красотой, Квентин влюбляется в девушку. Их судьбы – в самом центре жестокой борьбы за власть...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Скотт В., 1823
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1823

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вальтер Скотт Квентин Дорвард

© Парфенова А., составление, предисловие, комментарии, 2014

© DepositPhotos.com / Andrey Kuzmin, обложка, 2014

© Shutterstock.com / Triff, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Предисловие

Сэр Вальтер Скотт родился 15 августа 1771 года в Эдинбурге, в семье состоятельного шотландского юриста Вальтера Джона (1729–1799) и Анны Резерфорд (1739–1819), дочери профессора медицины Эдинбургского университета. Он был девятым ребенком в семье, но к моменту его рождения в живых оставалось только двое его братьев. Всего в семье из 13 детей в итоге выжило шестеро. В январе 1772 года малыш Уолтер (Вальтер – устаревший германизированный вариант произношения этого имени) заболел полиомиелитом и навсегда остался хромым. Родители старались всеми способами подлечить его, отправляли на лечение на горячие источники – купание в ваннах с бьющей из-под земли водой считалось тогда первейшим средством при болезнях конечностей. Он был любимым ребенком в материально благополучной семье, но что более интересно – был вундеркиндом. С самого раннего детства он отличался острым умом, потрясающей памятью, любопытством, повышенной склонностью к гуманитарным наукам. Много времени он проводил в поместье своего деда на ферме Сэндиноу, находившемся на юге Шотландии, в местах, называемых Шотландским приграничьем, а также в доме своего дяди близ Келсо. Родительская любовь и забота сделали свое дело. Мальчик окреп, поступил в эдинбургскую школу, а потом и в колледж, с успехом их закончил. Он сделался даже спортсменом, увлекся альпинизмом. Но, увы, оставался хромым. В 1792 году он с отличием сдал экзамен на адвоката, получил лицензию юриста и открыл собственную практику. Он был практичным, деловым человеком, много ездил по Шотландии, разбирая различные сложные имущественные разногласия людей, изучая уклад родной страны. По характеру он был человеком добрым и чувствительным, вникал в проблемы своих клиентов искренне и поэтому многое понял о своем народе, о его характере, привычках, достоинствах и недостатках.

В 1791 году он встретил Вильямину Белшес, дочь эдинбургского адвоката, которую преданно и страстно полюбил. Однако, несмотря на очевидные достоинства Скотта, его обаяние, удивительный талант рассказчика, которым он радовал своих друзей и знакомых, доброту и искренность, его избранница предпочла другого. Похоже, здесь все-таки сыграла свою роль инвалидность. Отказ возлюбленной чуть не убил его. Он едва смирился с этим несчастьем и несколько лет приходил в себя. В 1797 году он женится на Шарлотте Карпентер и становится преданным мужем, образцовым семьянином, хлебосольным хозяином.

В литературе он нашел себя далеко не сразу. Довольно нескоро определилось его настоящее призвание. Путешествуя по родному краю, он стал этнографом-любителем, собирал фольклор – песни, сказания, волшебные и ужасные истории, которые рассказывали в деревнях и на фермах.

В 1802–1803 годах он издал собрание шотландских народных баллад в двух томах. Это издание сыграло колоссальную роль не только для английской литературы, но и для литературы мировой. Обращение к народу, к его эстетическим и поэтическим корням – подлинное новаторство Скотта. До этого никто и никогда не рассматривал фольклор так подробно и внимательно, с такой любовью. Романтизм – литературное течение, частью которого впоследствии стал Скотт, – во многом базировался именно на использовании народных мотивов. Интерес к личности, интерес к простому человеку, интерес к народу – вот главные точки интереса для писателей-романтиков.

Сборник шотландских баллад, изданный Скоттом, изучили все мало-мальски видные литераторы той эпохи. Мы не станем здесь перечислять шотландцев, ирландцев и англичан. Перейдем сразу к Жуковскому и Пушкину. Жуковский перевел сборник практически полностью. Впрочем, в те времена не существовало профессии и статуса литературного пере-

водчика. Люди читали иностранные произведения в оригинале. А если перекладывали на родной язык, то ставили просто отсылку. Перевод считался вполне самостоятельным произведением. Самое известное заимствование Пушкина из этого сборника – «Ворон к ворону летит...». Лермонтов также не обошел вниманием эту книгу, для него, как для человека с шотландскими корнями, это было вполне естественно.

В литературе Скотт начал как поэт. Написал две большие поэмы на фольклорно-легендарные темы: «Мармион» и «Дева озера», имевшие очень большой успех. А потом, с некоторой внезапностью для своих читателей, прекратил писать стихи. Когда его спрашивали, почему он это сделал, он отвечал: потому что появился Байрон. Он искал такую область, где мог первенствовать.

В 1814 году Вальтер Скотт снова появился в литературе как совсем иной писатель – как романист. В 1814-м был издан его первый исторический роман – «Уэверли». После этого друг за другом появились на свет его исторические романы. Романы, которые создали ему славу, сделали его классическим писателем. Здесь ему очень пригодились знания фольклора, истории и этнографии Шотландии. Они дали ему строительный материал для его будущих романов.

Виднейший знаток творчества Скотта, российский литературовед Наум Берковский, пишет: «Вальтер Скотт – это создатель исторического романа, каким мы его знаем: исторического романа Нового времени. У Вальтера Скотта определились конститутивные черты романа исторического, черты, строящие этот роман».

Его романы обладали удивительным свойством – они не только описывали ушедшую эпоху, они отвечали на насущные вопросы современности. В них Скотт пытался показать процесс исторической преемственности, как одно явление порождало другое, как из особенностей рождались проблемы, как проблемы превращались в непримиримые противоречия, как после социальных взрывов менялся уклад и как, какими путями из прошлого проросло настоящее.

Один из вопросов, который интересовал Скотта, – проблема национального государства. Почему Шотландия, страна, давшая миру массу исторически и культурно значимых личностей, никогда не получила собственного независимого государства?

Например, в «Айвенго» он изображает Британию XII века. Мы видим господство англосаксов и завоевание Британии норманнами. Вот как написал об этом Наум Берковский: «...И там хорошо видно, откуда взялась современная Скотту Британия. Это англосаксонский коренной строй, переработанный норманнами, переработанный во всех отношениях: в бытовых, социальных, психологических, культурных. В „Айвенго“ замечательно подчеркнуто, что англосаксонский язык, коренной язык, язык туземцев, – он остался только в низах общества, это язык быта, язык низов. А язык войны, охоты и любви – это язык норманнов. Очень точный анализ. Даже в современном английском языке языковой слой более высоких, изысканных понятий – он почти весь французского происхождения, норманнский. А бытовой слой имеет германское, саксонское происхождение».

Вальтер Скотт понимал, что следующий этап современной Европы – это сложение национальных централизованных государств. Лучше всего она трактуется в романе «Квентин Дорвард». Скотт выбирает для этого именно Францию и эпоху Людовика XI, потому что именно эта страна и это время рисуют образцово-показательную картину этого исторического процесса.

Вальтер Скотт, несомненно, сыграл очень большую роль не только как романист. Он сыграл важную роль в развитии исторической науки, создал методологию изучения исторических событий, обозначил важнейшие узлы, моменты, в которые история творилась, а судьбы народов решались. Повсюду в Европе лучшие историки первой трети XIX века – ученики Вальтера Скотта.

Что в этих романах выглядит особенно достоверным и притягательным? Описание материального мира эпохи. Например, описание пиров. Вальтер Скотт очень любил описывать пиршества прошедших веков – и как гости были рассажены, и что они ели, и как они пили.

Он придумал прием описания исторических событий, прием, который остался в литературе навсегда. И не только в литературе – кино также заимствовало этот прием. Он придумывает персонажа и помещает его среди исторических личностей. Жизнь и судьба этого выдуманного персонажа, его взаимоотношения с историческими личностями в исполнении Скотта показывают нам характер, мнения и движущие мотивы исторических личностей – личностей, которые творили историю.

Лучший пример – это пример из романа «Квентин Дорвард». По мнению Берковского, это лучший роман Вальтера Скотта. «Кто такой Квентин Дорвард? – пишет исследователь. – Это шотландец, который поехал во Францию, нанялся на службу к французскому королю Людовику XI».

Скотт в потрясающих тонкостях знал историю материальной культуры Европы, и для читателя, который знал столько же, говорил с писателем на одном языке, он открывал ход сюжета в мелочах. Вот что пишет об этом советский литературовед Борис Бродский: «На берегу ручья молодой шотландец встретил пожилого человека и принял его за зажиточного горожанина. „Вы, сударь, должно быть, меняла или хлебный торговец“, – сказал Квентин Дорвард, не догадываясь, что перед ним король Людовик XI. Тот представился дядей Пьером.

Знать и придворные носили одежду из бархата и шелка. Естественно было предположить, что король делает так же. Однако, подобно простым людям, таково уж было его чудачество, Людовик XI носил платье только из сукна. Известно также, что он никогда не расставался со своей старой войлочной шляпой, увешанной оловянными иконками. Именно так и выглядит дядя Пьер.

Поэтому Квентин никак не мог предположить, что встретил короля. Король поговорил с Квентином, а потом повел его в гостиницу „Лилия“ и угостил обедом. После обеда король удалился. Тогда Квентин поинтересовался у хозяина, кто такой дядя Пьер.

– Если сказал купец, значит, купец и есть, – отвечал хозяин.

– Какую же он ведет торговлю?

– Как вам сказать... Всякую, сударь. Есть у него здесь шелковые мануфактуры, изделия которых поспорят даже с теми тканями, что венецианцы привозят из Индии... Может быть, по дороге сюда вы заметили тутовую рошу? Ее посадили по приказу дяди Пьера для его шелковичных червей...

Шелк во Франции в XV веке ткали только на одной мануфактуре. Принадлежала эта мануфактура королю. Работали на ней итальянцы. Этого, правда, Квентин мог и не знать – шелкоткацкая мануфактура была устроена во Франции лишь за год до его приезда. Изготавливать шелковые ткани умели только в итальянских городах Болонье и Лукке. Каждому жителю этих городов за разглашение секрета изготовления шелка грозила смертная казнь. Поэтому открыть шелкоткацкую мануфактуру во Франции мог лишь могущественный человек, способный переманить в чужую страну итальянских мастеров и обеспечить им безопасность, то есть король».

Читатель, который знал обо всем этом столько же, сколько Скотт, – сразу понял, что речь идет о короле. Читатель-профан вместе с героем узнает это тогда, когда автор дает ему такую возможность.

Вальтер Скотт создал жанр исторического романа, до него их никто не писал. Он написал 28 романов и вошел в число авторов, создавших современную культуру человечества.

В 1830 году он переносит первый апоплексический удар, который парализовал его правую руку. В 1830–1831 годы Скотт испытывает еще два апоплексических удара.

Умер он от инфаркта 21 сентября 1832 года.

В настоящее время в поместье Скотта Эбботсфорд открыт музей знаменитого писателя.

Глава 1

Контраст

Вторая половина пятнадцатого столетия подготовила ряд событий, в итоге которых Франция достигла грозного могущества, с той поры не раз служившего предметом зависти для остальных европейских держав. До этой эпохи она была вынуждена отстаивать свое существование в борьбе с Англией, владевшей в то время лучшими ее провинциями, и только благодаря постоянным усилиям ее короля и беззаветной отваге народа ей удалось избежать окончательного подчинения иноземному игу. Но ей угрожала не только эта опасность. Ее могущественные вассалы, в особенности герцоги Бургундский и Бретонский, стали так пренебрежительно относиться к своим обязанностям феодалов, что при малейшем поводе готовы были восстать против своего государя и сюзерена французского короля. В мирное время они самовластно управляли своими провинциями, при этом Бургундский дом был сам по себе настолько богат и силен, что ни в могуществе, ни в великолепии не уступал французскому двору.

Следуя примеру главнейших вассалов, каждый мелкий ленник старался отстоять свою независимость, насколько это ему позволяли расстояние от королевского двора, размеры его владений и неприступность его замков и укреплений. Все эти мелкие деспоты, не считаясь с законом и пользуясь своей безнаказанностью, зверски угнетали своих подданных и управлялись с ними с чудовищной жестокостью. В одной Оверни насчитывалось в то время более трехсот таких независимых дворян, для которых кровосмешение, грабеж и насилие были самым обычным делом.

Кроме всех этих бед, другой, не менее страшный бич – последствия многолетних войн между Францией и Англией – терзал эту несчастную страну. Многочисленные выходцы из соседних государств, собираясь в вооруженные шайки под предводительством избранных ими смелых и ловких искателей приключений, наводняли Францию. Это продажное воинство предлагало на любой срок свои услуги тому, кто больше за них заплатит; а в тех случаях, когда на них не было спроса, воевало на собственный страх и риск, захватывая замки и крепости, которые использовались как убежища, забирая в плен людей, чтобы получать за них огромные выкупы, облагая данью беззащитные селения и прилегавшие к ним земли; словом, своим поведением они вполне оправдывали данные им звания обирал и живодеров.

Наряду со всеми ужасами и несчастьями, вызванными бедственным положением государства, среди мелкопоместных дворян царили безумное мотовство и роскошь, которыми они щеголяли в подражание крупным феодалам, выжимая последние соки из обнищавшего, разоренного народа.

Отношение к женщине носило романтический, рыцарский характер, часто переходивший, однако, в полную разнузданность. Язык странствующего рыцарства еще не совсем вышел из употребления, внешние его приемы и формы еще сохранились, но чувство благородной, возвышенной любви и порожденная ею рыцарская доблесть почти исчезли и не скрашивали больше вычурности его оборотов.

Поединки и турниры, празднества и пиры, которые устраивались каждым, даже самым маленьким, феодальным двором, привлекали толпы искателей приключений во Францию, представлявшую такое широкое поле для безрассудной отваги и предприимчивости, не находивших применения в более счастливом отечестве всех этих авантюристов.

В ту эпоху, как будто для того, чтобы спасти прекрасную Францию от грозивших ей со всех сторон бед, на шаткий престол ее возшел Людовик XI, который, несмотря на свои отталкивающие личные качества, сумел понять и до некоторой степени пресечь и парали-

зовать зло своего времени. Так иные яды, как говорится в старинных медицинских книгах, могут обезвреживать друг друга.

Достаточно смелый, когда этого требовала выгода или политическая цель, Людовик не был романтичен по природе: в нем не было и искры той благородной рыцарской отваги, которая не столько гонится за пользой и успехом, сколько за славой и честью. Расчетливый и хитрый, он выше всего ставил свои личные интересы и умел ради них жертвовать не только своей гордостью, но и своими страстями. Он тщательно скрывал истинные мысли, намерения и чувства даже от своих приближенных и нередко говаривал: «Кто не умеет притворяться – тот не умеет и царствовать; что касается меня, то, узнай я, что моя шапка провела мои тайны, я в ту же минуту бросил бы ее в огонь». Никто – ни до него, ни после – не умел лучше подмечать слабости ближних и пользоваться ими для своих выгод, в то же время ловко скрывая от всех собственные недостатки и слабости.

Людовик был по природе мстителен и жесток до такой степени, что бесчисленные казни, совершавшиеся по его приказанию, доставляли ему истинное удовольствие. Он не знал ни милосердия, ни пощады в тех случаях, когда мог действовать безнаказанно; но вместе с тем никакая жажда мести не могла толкнуть его на безрассудный, необдуманный поступок. Он бросался на свою жертву только тогда, когда она была в полной его власти и не могла от него ускользнуть, и действовал всегда так осторожно, ловко и скрытно, что смысл его тайных происков становился понятен окружающим лишь после того, как он добивался своей цели.

Прирожденная скупость Людовика не мешала ему, однако, быть щедрым до расточительности, когда дело шло о том, чтобы подкупить какого-нибудь фаворита или министра враждебного ему государя и этим предотвратить грозившее ему нападение или разрушить подготавливаемый против него союз. Он любил чувственные наслаждения и всякие развлечения, но даже самые сильные его страсти – женщины и охота – не могли отвлечь его от строгого исполнения взятых им на себя обязанностей – от управления государством. Он был тонким знатоком человеческой природы, потому что никогда не чуждался частной жизни людей, к какому бы слою общества они ни принадлежали. И хотя он был высокомерен и заносчив, однако не признавал произвольного деления общества на высших и низших, чем вызывал глубокое возмущение знати, и не колеблясь доверял самые высокие посты людям, которых выбирал из самых низших слоев общества; правда, людей он умел выбирать и редко ошибался.

Но цельные характеры – большая редкость, и в этом хитром и одаренном государе уживались странные противоречия. Несмотря на все свое лицемерие и лукавство, Людовик иногда слишком слепо и опрометчиво полагался на прямоту и честность других. Подобные промахи имели, по-видимому, своим источником слишком тонкую игру, побуждавшую его иногда прикидываться и надевать личину неограниченного доверия к тем, кого он хотел обмануть; обычно же он бывал так недоверчив и подозрителен, как ни один из властителей того времени.

Чтобы дополнить наш беглый набросок, укажем еще на две характерные черты этого человека, сумевшего то ловкой политикой, то вовремя брошенной подачкой, то, наконец, жестокостью и крутыми мерами выдвинуться среди воинственных, суровых государей того времени и занять среди них место укротителя диких зверей, которые разорвали бы его на куски, если бы он не подчинил их своей власти.

Первая из характерных черт Людовика – это крайнее суеверие, бич, при помощи которого Провидение часто терзает людей, отказывающихся исполнять повеления религии. Людовик никогда не пытался успокоить преступную совесть, но тщетно старался заглушить муки раскаяния исполнением суеверных обрядов, строгим покаянием и щедрыми дарами, расточаемыми духовенству. Второй его чертой, которая, как ни странно, часто неразлучна

с первой, была страсть к низменным удовольствиям и тайному разгулу. Самый умный или, во всяком случае, самый хитрый из современных ему монархов, Людовик любил низменные наслаждения. Сам человек в высшей степени остроумный, он очень ценил находчивость и остроумие в своих собеседниках, что как будто плохо вяжется с его характером. Несмотря на крайнюю недоверчивость, он с удивительным легкомыслием пускался во всевозможные сомнительные похождения и любовные интриги. Страсть его к подобным развлечениям была так велика, что дала пищу для бесчисленных игривых и скандальных анекдотов, собранных и изданных отдельной книжкой, которая хорошо знакома библиофилам, в чьих глазах первое издание является наиболее ценным.

Итак, при посредстве этого осторожного и ловкого, но не очень привлекательного государя Провидению угодно было возратить великой французской нации те блага государственного порядка, которые она почти утратила ко времени вступления Людовика на престол. Так, часто Провидение заставляет служить на пользу людям не только теплый летний дождик, но и грозную, разрушительную бурю.

До своего вступления на престол Людовик успел обнаружить больше пороков, чем достоинств. Первая его жена, Маргарита Шотландская, пала жертвой клеветы придворных своего супруга; однако, если бы сам Людовик этого не поощрял, никто не осмелился бы сказать ни единого слова против доброй и несчастной государыни. Людовик был также неблагодарным и непокорным сыном: сначала он затеял тайный заговор против отца, а потом поднял против него открытое восстание. За первое из этих преступлений он был удален в собственное свое владение Дофине, где впервые показал себя искусным правителем, за второе – был окончательно изгнан за пределы государства и принужден чуть не из милости просить убежища у герцога Бургундского и его сына; он пользовался их гостеприимством до самой смерти отца, скончавшегося в 1461 году, и отплатил им впоследствии черной неблагодарностью.

В самом начале своего царствования он едва не был свергнут с престола лигой, заключенной против него сильнейшими вассалами Франции, во главе которых стоял герцог Бургундский, или, вернее, сын его – граф де Шароле. Предводители этой лиги собрали многочисленное войско, осадили Париж и под стенами столицы дали решительное сражение, исход которого чуть не погубил французскую монархию. Но, как это обыкновенно бывает, более ловкий из противников сумел присвоить себе если не славу и честь, то все выгоды, какие можно было извлечь из этого спорного сражения. Людовик, показавший редкую личную храбрость в битве при Монлери, сумел так ловко повернуть дело, что смело мог считать эту спорную битву своей победой. Он выждал время и, когда лига сложила оружие, стал так искусно сеять раздор между ее предводителями, называвшими себя Лигой всеобщего блага (хотя настоящей их целью было ниспровержение французской монархии), что лига распалась и никогда больше не возникала в прежних угрожающих размерах. С той поры Людовик, которому Англия не была больше страшна, потому что в ней самой шли в то время междоусобные войны между домами Йоркским и Ланкастерским, занялся оздоровлением своего государства: он, как искусный, но безжалостный врач, то уговорами, то огнем и мечом многие годы старался остановить распространение смертельной болезни, разъедавшей и подтачивавшей политический организм Франции. Он стремился положить предел разбою вольных вооруженных шаяк и незаконному своеволию дворян, и мало-помалу благодаря выдержке и настойчивости ему удалось укрепить королевскую власть и если не подавить совсем, то значительно ослабить своих могущественных вассалов.

Тем не менее французский король со всех сторон был окружен опасностями. Правда, членов Лиги всеобщего блага разъединяли раздоры, но она еще существовала и, как недобитая змея, могла ожить и сделаться по-прежнему опасной. Но наибольшая опасность грозила ему со стороны герцога Бургундского, одного из могущественнейших европейских госуда-

рей, возраставшую силу и значение которого ничуть не умаляла его формальная зависимость от короля Франции.

Карл, прозванный Смелым (вернее было бы назвать его Отчаянным, так как храбрость у него сочеталась с яростью и неистовством), владел в то время Бургундским герцогством и горел одним желанием: сменить свою герцогскую корону на независимый королевский венец. По характеру герцог Карл представлял полную противоположность Людовику XI.

Спокойный, рассудительный и хитрый Людовик никогда не пускался в рискованные предприятия, но зато и не отступал перед раз намеченной целью, если достижение ее было возможно хотя бы в самом отдаленном будущем. Герцог же, наоборот, очертя голову бросался в самые опасные предприятия, потому что любил опасность и не признавал никаких препятствий. Людовик никогда не жертвовал выгодой даже ради своих страстей; Карл ради выгоды не поступался не только своими страстями, но даже малейшей прихотью. Несмотря на узы близкого родства, несмотря на услуги, оказанные герцогом и его отцом Людовику, когда он был еще дофином в изгнании, они презирали и ненавидели друг друга. Герцог Бургундский презирал осторожную политику короля, приписывая природной трусости Людовика его манеру добиваться своих целей хитрыми подходами, подкупом и другими окольными путями, тогда как сам он всегда шел к своей цели с оружием в руках. Он ненавидел короля не только за его неблагодарность, за личные оскорбления и постоянную клевету, которой послы Людовика старались очернить Карла еще при жизни его отца, но больше всего за тайную помощь, которую Людовик оказывал недовольным гражданам Гента, Льежа и других больших городов Фландрии. Эти беспокойные города, крепко державшиеся своих привилегий и гордые богатством, часто открыто восставали против своих властителей, герцогов Бургундских, и всегда находили поддержку при дворе Людовика, который не упускал удобного случая посеять смуту во владениях своего могущественного вассала.

Людовик платил герцогу такой же ненавистью и презрением, но умел ловко скрывать свои чувства. Да и не мог такой глубоко проницательный человек, как Людовик, не презирать той упрямой настойчивости, с которой герцог стремился к достижению своих целей, как бы губительны ни были для него последствия его упорства, точно так же как не мог не презирать его слепой и безрассудной отваги, не признававшей ни опасностей, ни преград. Впрочем, король не столько презирал, сколько ненавидел Карла, и его злоба и ненависть становились тем сильнее, чем больший страх внушал ему этот опасный противник; Людовик хорошо понимал, что нападение бешеного быка, с которым он любил сравнивать герцога Бургундского, всегда опасно, хотя бы животное нападало с закрытыми глазами. Его страшили не только богатство и могущество Бургундии, не только многочисленность воинственного и дисциплинированного населения герцогских владений – сам герцог, по своим личным качествам, был для него опасным врагом. Храбрый до безрассудства, щедрый до расточительности, окруживший себя и свой двор роскошью и блеском, Карл Смелый привлекал к себе самых отважных, самых пылких людей того времени, которых неудержимо влекло к нему в силу сходства их характеров; и Людовик не мог не понимать, на что способны такие храбрецы под предводительством бесстрашного, неукротимого вожака.

Было и еще одно обстоятельство, усиливавшее ненависть Людовика к его могущественному вассалу: герцог оказал ему некогда услугу, за которую Людовик и не подумал с ним расплатиться; он чувствовал себя в долгу перед ним, и это заставляло его не только быть сдержанным с герцогом, но иногда даже сносить вспышки его необузданного гнева и дерзости, оскорбительные для его королевского достоинства, причем он не мог обращаться с ним иначе, как со своим «любезным кузеном Бургундским».

Около 1468 года взаимная ненависть двух великих государей достигла крайних пределов, вопреки заключенному ими между собой перемирию, правда временному и очень непрочному. Начало нашего рассказа относится именно к этой эпохе. Быть может, чита-

тель найдет, что главное действующее лицо этой повести слишком незначительно по своему общественному положению и что для его характеристики не стоило выяснять взаимоотношения таких высоких и могущественных особ; но мы позволим себе напомнить, что нередко страсти, ссоры, вражда или мирные отношения великих мира сего сильно отражаются на участи окружающих людей, и надеемся, что из последующих глав каждому станет ясно, как важно все сказанное в этой первой, вступительной главе для правильного понимания многих событий в жизни нашего героя.

Глава 2

Путник

В одно прелестное летнее утро, в тот час, когда солнце жжет еще не слишком сильно, а освеженный росой воздух наполнен благоуханием, молодой человек, державший путь с северо-востока, подошел к броду через небольшую речку, или, вернее, широкий ручей, впадающий в Шер, близ королевского замка Плесси-ле-Тур, многочисленные мрачные башни которого возвышались вдали над обступившим его густым лесом. В этой лесистой местности находился королевский охотничий парк, обнесенный оградой, называвшейся на средневековой латыни *plexitium*, от чего многие французские деревни получили название Плесси. В отличие от них, замок и деревня, о которых здесь идет речь, назывались Плесси-ле-Тур, так как находились в двух милях к югу от большого красивого города Тура, столицы древней Турени, богатые равнины которой по праву назывались садом Франции.

На противоположном берегу ручья, к которому приближался путник, стояли два человека; издали казалось, что они поглощены серьезным разговором, но на самом деле они следили за каждым движением приближавшегося юноши, которого давно уже заметили, ибо находились на более высоком берегу.

Молодому путешественнику можно было дать не более девятнадцати-двадцати лет; его лицо и весь облик сразу располагали в его пользу, хотя и было видно, что он не местный житель, а чужестранец. Короткий серый камзол и штаны были скорее фламандского, чем французского покроя, а щегольская голубая шапочка, украшенная веткой остролиста и орлиным пером, была, несомненно, подлинно шотландской. Одет он был очень опрятно, с той тщательностью, с какой одевается молодость, сознающая свою красоту. За спиной у него висела дорожная сумка, по-видимому содержащая самые необходимые пожитки. На левой руке была надета перчатка для соколиной охоты, хотя сокола с ним и не было; в правой руке он держал крепкую палку. С левого плеча свешивался небольшой пунцового бархата мешочек нашитой перевязи, какие носили охотники с кормом для соколов и другими принадлежностями этой излюбленной в то время забавы. На груди его перевязь перекрещивалась ремнем, на котором сбоку висел охотничий нож. На ногах вместо сапог были башмаки из сыромятной оленьей кожи.

Хотя юноша, очевидно, не достиг еще полного расцвета сил, тем не менее он был высок и статен, а легкость его походки доказывала, что путешествие пешком было для него скорее удовольствием, чем трудом. Его белое от природы лицо было покрыто легким заггаром — может, под непривычным влиянием южного солнца, а может, и от постоянного пребывания на открытом воздухе у себя на родине.

Черты его лица не отличались особой правильностью, но были очень приятны и внушали к нему доверие. Беззаботная молодая улыбка, блуждавшая на его свежих губах, открывала два ряда зубов, ровных и белых, как слоновая кость; веселый взгляд блестящих голубых глаз, внимательно останавливавшийся на окружающих предметах, был добродушен, беспечен и в то же время полон решимости.

На поклоны и приветствия редких в то опасное время прохожих юноша отвечал соответственно достоинству каждого. Вооруженному бродяге, не то разбойнику, не то солдату, который внимательно разглядывал его, как бы взвешивая про себя, чего можно здесь ждать — богатой добычи или решительного отпора, — он отвечал таким бесстрашным и уверенным взглядом, что тот миглом оставлял злые умыслы и приветствовал его угрюмым: «Здорово, приятель!», на что молодой шотландец отвечал столь же воинственным, хотя и менее суровым тоном. Пилигрима и нищенствующего монаха он встречал почтительным приветствием

и получал в ответ отеческое благословение; а с молодой черноглазой крестьянкой он обменивался таким веселым поклоном, что она долго еще оборачивалась и с улыбкой смотрела ему вслед. Словом, в юноше было что-то привлекавшее внимание: смелость, прямота в соединении с жизнерадостностью, ясным взглядом и приятной внешностью невольно располагали в его пользу. По его поведению чувствовалось, что это человек, бесстрашно вступающий в жизнь, полную неведомых ему зол и опасностей, для борьбы с которыми у него только и есть оружия что живой ум и молодая отвага – черты, вызывающие симпатии людей молодых и участие поживших и опытных.

Путник, которого мы сейчас описали, был давно замечен двумя собеседниками, остановившимися на том берегу речки, где стоял окруженный лесом замок; но когда юноша стал спускаться с крутого берега с легкостью бегущей к водопою лани, младший из собеседников сказал старшему:

– А ведь это наш цыган! Если он пустится вброд, он пропал: вода сильно прибывла, речки не перейти.

– Пусть попытается, – ответил старший, – и сам убедится в этом, куманек. Может быть, он подтвердит старую пословицу: «Кому быть повешену – не утонет».

– Отсюда я не могу рассмотреть лица, но узнаю его по голубой шапке, – сказал первый. – Послушайте, вот он кричит: спрашивает, глубока ли вода.

– Пусть сам попробует, – повторил старший собеседник, – в этом мире нет ничего лучше собственного опыта.

Между тем юноша, видя, что двое людей на противоположном берегу спокойно смотрят, как он готовится перейти речку вброд, и даже не отвечают на вопрос, снял башмаки и недолго думая вошел в воду. Только в эту минуту старший из собеседников крикнул, чтоб он был осторожен, и, обратившись к своему спутнику, сказал:

– Э, куманек, опять ты дал маху – это вовсе не цыган.

Но предупреждение опоздало: то ли юноша его не расслышал, то ли не успел им воспользоваться, так как сразу попал в быстрину. Для всякого менее искусного и ловкого пловца гибель казалась неизбежна: речка была очень глубока, а течение стремительно.

– Клянусь святой Анной, он молодчина! – воскликнул старший незнакомец. – Беги-ка поскорей, приятель, да загладь свою вину: помоги ему, если можешь. Он, видно, все же достанется тебе и, если верить старой пословице, не должен утонуть.

И правда, юноша с такой силою и ловкостью боролся с волнами, что, несмотря на бурное течение, выплыл на берег почти против того места, откуда вошел в воду.

В то время как младший незнакомец бежал вниз к реке на помощь пловцу, старший не спеша следовал за ним, рассуждая сам с собой: «Клянусь небом, он уже вылез на берег и сразу схватился за палку! Если я не поспешу, он, чего доброго, отколотит моего приятеля за единственное доброе дело, которое тот собирался сделать за всю свою жизнь».

Он не без основания предвидел такую развязку, потому что как раз в эту минуту отважный шотландец набросился на подбежавшего к нему самаритянина с сердитым окриком:

– Ах ты собака! Ты почему не ответил, когда я спрашивал, можно ли пройти вброд? Черт меня побери, если я не научу тебя, как надо обходиться с чужестранцами!

С этими словами юноша подбросил палку и, перехватив ее посередине, угрожающе завертел ею в воздухе. Этот прием в драке назывался «мельница», потому что вертящаяся палка напоминала вращение крыльев ветряной мельницы. Услышав эту угрозу, противник юноши, в свою очередь, схватился за меч: он, видно, был из тех, кто предпочитает действия разговорам. Но тут подоспел старший незнакомец; он приказал ему остановиться и, обратившись к молодому шотландцу, стал упрекать его за безрассудную поспешность, с которой тот бросился в воду, и за горячность, с какой он, не разобрав дела, накинулся на человека, спешившего ему на помощь.

Выслушав это замечание от человека пожилого и по виду вполне почтенного, юноша сейчас же опустил свое оружие и ответил, что очень жалеет, если был к ним несправедлив; но и они, по его мнению, были неправы, заставив его рисковать жизнью, ни словом не предупредив об опасности. А такой поступок не достоин ни честных людей, ни добрых христиан, ни тем более уважаемых горожан, какими они кажутся.

– Ну, сынок, – сказал старший незнакомец, – по твоей внешности и выговору я догадываюсь, что ты чужестранец, и, право, ты и сам мог бы сообразить, что нам не так-то легко тебя понимать, хоть ты и бойко болтаешь на чужом языке.

– Ладно, отец, – ответил юноша. – Поверьте, мне это купание нипочем, и я охотно извиню вам, что вы были отчасти его причиной, если вы укажете местечко, где я мог бы обсушиться, потому что на мне единственное мое платье и мне хотелось бы сохранить его в приличном виде.

– За кого же ты нас принимаешь, мой друг? – спросил старший незнакомец вместо ответа.

– За зажиточных горожан, разумеется. За кого же еще? – ответил шотландец.

– Или нет, постойте!.. Вы, сударь, должно быть, меняла или хлебный торговец, а ваш товарищ – барышник или мясник.

– Не в бровь, а прямо в глаз, – заметил с улыбкой пожилой незнакомец. – Что правда, то правда! Я действительно по мере сил занимаюсь денежными делами; да и про моего товарища ты угадал: он по профессии и впрямь сродни мяснику. Оба мы рады тебе услужить, но только скажи нам, кто ты, куда и за каким делом идешь. Нынче ведь по дорогам рыщет много всяких бродяг, и пеших и конных, у которых нет ни совести, ни страха господня.

Юноша окинул своего собеседника и его молчаливого товарища быстрым пронизательным взглядом, как бы желая убедиться, достойны ли они его доверия, и вот к чему свелись его наблюдения.

Старший и более почтенный из этих двух людей, выделявшийся как наружностью, так и костюмом, смахивал больше всего на купца. Его камзол, штаны и плащ из одноцветной темной материи были донельзя потертые, и сметливый шотландец сейчас же решил, что носить такую одежду мог человек либо очень богатый, либо совсем бедный, вернее – первое. Узкий покрой его слишком короткого платья не был в то время в моде ни у дворян, ни у зажиточных горожан, носивших широкие и длинные камзолы, спускавшиеся ниже колен.

В выражении лица этого человека было что-то одновременно привлекательное и отталкивающее; в его резких чертах, ввалившихся щеках и глубоко сидящих глазах сквозили лукавство и затаенный юмор, не чуждый и нашему юноше. И в то же время во взгляде этих впалых глаз, смотревших из-под густых, нависших черных бровей, было что-то злое и повелительное. Быть может, впечатление это усиливалось благодаря плоской меховой шапке, плотно надвинутой на лоб и еще больше оттенявшей глаза, но юношу поразили этот взгляд, плохо вязавшийся с заурядной внешностью незнакомца. Его шапка была особенно неказиста. Люди состоятельные украшали в то время свои шапки золотыми или серебряными пряжками; на его же головном уборе не было никаких украшений, кроме жалкой оловянной бляхи с изображением Божьей Матери, вроде тех, что приносят из Лорето беднейшие пилигримы.

Его товарищ, лет на десять его моложе, был человек приземистый и коренастый. Угрюмое лицо его лишь изредка озарялось злобной усмешкой; впрочем, он улыбался только в тех случаях, когда старший незнакомец обращался к нему с какими-то таинственными знаками. Он был вооружен мечом и кинжалом, а под его скромной одеждой шотландец заметил тонкую кольчугу из мелких железных колец, какие в ту полную опасностей эпоху носили не только воины, но и мирные жители, занятия которых требовали частых отлучек из дому. Это

обстоятельство еще больше убедило шотландца, что незнакомец был мясником, барышником или кем-нибудь в этом роде.

Молодой чужеземец, с одного взгляда сделав наблюдения, на передачу которых мы потратили столько времени, после минутного молчания ответил с легким поклоном:

– Не знаю, с кем имею честь говорить, но, кто бы вы ни были, я не стыжусь и не боюсь сказать вам, что я шотландец, младший сын в семье и, по обычаю моих земляков, иду попытаться счастья во Франции или в какой-нибудь другой стране.

– Чудесный обычай, черт возьми! Да и сам ты молодец хоть куда! В твои годы ты должен нравиться не только мужчинам, но и женщинам... Ну-с, так вот, видишь ли, я – купец, и мне нужен помощник. Что ты на это скажешь? Или, может быть, ты слишком благороден для такого низкого занятия?

– Если вы делаете мне это предложение серьезно, в чем я очень сомневаюсь, я должен вас поблагодарить и благодарю вас, сударь; но, право, я боюсь, что не сумею быть вам полезным.

– Еще бы! Ручаюсь, что ты искуснее стреляешь из лука, чем ведешь счета, а мечом владеешь лучше, чем пером. Ведь так?

– Я горец, сударь, а следовательно, стрелок, как у нас говорят, – ответил юноша. – Но мне случилось жить в монастыре, и добрые монахи научили меня читать, писать и даже считать.

– Черт возьми, это великолепно! – воскликнул купец. – Клянусь Пречистой Девой Эмбренской, ты просто чудо!

– Веселитесь, сударь, если вам это нравится, – сказал шотландец, которому насмешливый тон нового знакомого, видимо, пришелся не по вкусу. – А мне нечего тут болтать с вами, когда вода бежит с меня в три ручья. Пойду поищу, где бы обсушиться.

В ответ на эти слова купец только расхохотался.

– Черт возьми, – сказал он, – ты горд, ну как шотландец, как любят у нас выражаться. Полно сердиться, приятель. Я знаю и люблю твою родину, потому что мне не раз приходилось иметь дело с шотландцами. Народ вы бедный, но честный... Пойдем-ка с нами в деревню; я угощу тебя славным завтраком и поднесу стаканчик доброго вина, чтобы вознаградить тебя за купание... А это еще что, черт возьми? Охотничья перчатка? Разве ты не знаешь, что соколиная охота в королевских владениях запрещена?

– Не знал, да меня вразумил негодяй лесничий герцога Бургундского, – ответил юноша. – Дело было под Перонной: только я спустил было своего сокола на цаплю, как этот негодяй уложил его на месте своей проклятой стрелой. А я-то еще так на него надеялся и нес с собой от самой Шотландии!

– Что же ты сделал ему за это? – спросил купец.

– Я избил его, – сказал юноша, потрясая своей палкой, – так, как только может один христианин избить другого, не уложив его на месте и не беря греха на душу.

– А знаешь ли ты, что, попадись ты в руки герцогу Бургундскому, он тут же вздернул бы тебя и ты болтался бы на дереве, как каштан?

– Как не знать! Говорят, он на эти дела так же скор, как и французский король. Но так как это случилось под самой Перонной, то я махнул через границу и был таков! Кабы он не был так горяч, я, может быть, еще поступил бы к нему на службу.

– Если перемирие будет нарушено, герцог горько пожалеет, что потерял такого молодца, – сказал насмешливо купец, бросив быстрый взгляд на своего молчаливого товарища, а тот ответил ему зловещей улыбкой, озарившей на мгновение его лицо, как промелькнувший метеор озаряет зимнее небо.

Молодой шотландец резко остановился и, надвинув решительным жестом свою шапочку на правую бровь, сердито сказал:

– Послушайте, господа, особенно вы, сэр, старший и как будто более разумный из двух: будьте осторожней! Я сумею вам доказать, что прохаживаться на мой счет небезопасно. Мне не нравится ваш тон. Я могу стерпеть шутку, а от старшего даже выговор и поблагодарю за него, если я его заслужил; но я не потерплю, чтобы со мной обращались как с мальчишкой, когда, Бог свидетель, я чувствую в себе столько сил, что легко проучу вас обоих, если вы выведете меня из себя.

Эти слова так рассмешили старшего незнакомца, что он чуть не задохнулся от хохота, а товарищ его схватился за меч; но шотландец ловким, сильным ударом по руке заставил его в тот же миг выпустить оружие, и эта выходка еще больше развеселила старого купца.

– Стой, храбрый шотландец, стой! – закричал он. – Успокойся хотя бы из любви к своей родине!.. Да и тебе, куманек, советую не кипятиться. Черт возьми!.. Люди торговые должны быть справедливыми, а его ловкий удар можно принять как расплату за холодное купание... А ты, приятель, слушай: перестань горячиться! – добавил он, обращаясь к шотландцу таким властным тоном, что тот невольно смутился. – Со мной шутки плохи, а с моего товарища хватит и того, что он получил. Как твое имя?

– На вежливый вопрос у меня всегда есть учтивый ответ, – сказал юноша, – и я готов отнестись к вам с почтением, подобающим вашему возрасту, если вы не станете выводить меня из терпения насмешками. Мое имя, данное мне на родине, – Квентин Дорвард.

– Дорвард? Это дворянское имя? – спросил незнакомец.

– Надеюсь, – ответил шотландец. – Об этом свидетельствуют пятнадцать поколений моих предков. Это-то и заставило меня избрать именно военную, а не иную профессию.

– Настоящий шотландец! Много предков, много гордости и, ручаюсь, очень мало денег в кармане!.. Послушай, куманек, – продолжал пожилой купец, обращаясь к своему мрачному товарищу, – ступай-ка вперед да прикажи приготовить нам завтрак в тутовой роще; я уверен, что этот молодец окажет ему такую же честь, как голодная мышь хозяйскому сыру. Что же касается цыгана... дай-ка я шепну тебе на ухо два слова...

Выслушав товарища, мрачный незнакомец ответил ему многозначительной улыбкой и удалился крупным шагом, а старый купец, обратившись к Дорварду, сказал:

– Пойдем-ка и мы помаленьку да завернем по дороге в часовню Святого Губерта и прослушаем обедню, потому что не годится заботиться о потребностях тела больше, чем о спасении души.

Как добрый католик, Дорвард ничего не мог возразить против этого предложения, хотя, по всей вероятности, ему прежде всего хотелось обсушиться и подкрепить свои силы. Между тем мрачный незнакомец скоро исчез из виду, и, следуя за ним той же дорогой, его товарищ с юношей вошли в густой лес, весь заросший мелким кустарником и перерезанный длинными и широкими просеками, по которым бродили вдалеке небольшие стада оленей, чувствовавших себя здесь, по-видимому, в полной безопасности.

– Вы спрашивали меня, хороший ли я стрелок, – сказал юный шотландец. – Дайте мне лук да пару стрел, и я ручаюсь, что у вас будет оленина на обед.

– Берегись, дружок! Советую тебе: будь осторожен. Куманек смотрит в оба за здешней дичью, на нем лежит надзор за нею; и поверь мне, он очень сердитый сторож.

– А все-таки он больше смахивает на мясника, чем на веселого лесничего, – сказал Дорвард. – Трудно поверить, чтобы человек с рожей висельника имел что-нибудь общее с благородным искусством охоты.

– Это правда, дружок: на первый взгляд физиономия у моего куманька не слишком-то привлекательна; однако никто из тех, кто сводил с ним знакомство покороче, никогда не жаловался на него.

Квентину Дорварду послышалась какая-то странная, неприятная нотка в многозначительном тоне, каким были сказаны эти слова; он быстро взглянул на говорившего и в выра-

жении его лица, в улыбке, змеившейся на его губах, в пронизывающем взгляде его черных прищуренных глаз уловил нечто такое, что еще усилило это неприятное впечатление.

«Мне доводилось слышать о разбойниках, ловких плутах и обманщиках, – подумал он. – Может быть, тот негодяй – убийца, а этот старый плут – его правая рука и приспешник? Надо держать ухо востро... Впрочем, что с меня взять? Разве что несколько добрых шотландских тумачов!» Пока Дорвард был занят этими размышлениями, они вышли на прогалину, на которой кое-где росли старые большие деревья. Очищенная от мелкой заросли и хвороста, она была покрыта, точно ковром, свежей густой травой, разросшейся в тени деревьев, защищавших ее от лучей палящего южного солнца, и такой пышной и нежной, какая редко встречается во Франции. Кругом росли вековые буки и вязы, высоко возносившие к синему небу свои гигантские зеленые купола. Среди этих могучих детей природы, на самом открытом месте, недалеко от быстрого ручья, стояла небольшая часовня простой, даже грубой архитектуры. Рядом лепилась убогая келья – жилище отшельника, исполнявшего при часовне обязанности священнослужителя. В небольшой нише над сводчатой дверью часовни виднелась маленькая статуя святого Губерта с охотничьим рогом через плечо и с двумя борзыми собаками у ног. Одинокая часовня, окруженная густым лесом, полным дичи, была посвящена покровителю охоты святому Губерту.

Незнакомец в сопровождении Дорварда направился прямо к часовне. В ту минуту, когда они подходили к ней, из кельи вышел отшельник в священническом облачении и тоже направился к часовне, очевидно чтобы служить обедню. При его приближении Дорвард, в знак почтения к его сану, отвесил низкий поклон; спутник же его с видом глубочайшей набожности преклонил колени и, приняв благословение святого отца, смиренно последовал за ним медленным шагом человека, полного благоговения.

Внутреннее убранство часовни говорило о трудах и занятиях святого Губерта в его земной жизни. Все стены были увешаны ценными мехами всевозможных зверей, на каких охотятся в различных странах; из таких же мехов была и завеса у алтаря. Стенную живопись заменяли охотничьи рога, колчаны и самострелы, развешанные вперемешку с головами оленей, волков и других зверей, – словом, все убранство носило вполне охотничий характер. Самую службу тоже можно было назвать «охотничьей обедней», так как она была сокращена и ее служили перед началом охоты на скорую руку.

Во время этой коротенькой службы спутник Дорварда был, казалось, всецело поглощен молитвой; сам же Дорвард, не особенно занятый религиозными мыслями, не переставал упрекать себя за то, что осмелился оскорбить низкими подозрениями такого хорошего и смиренного человека.

Когда обедня кончилась, они вместе вышли из часовни, и, обратившись к нему, старший сказал:

– Теперь нам два шага до деревни, и ты с чистой совестью можешь наконец разрешить свой пост. Ступай за мной!

Свернув направо на тропинку, которая отлого поднималась в гору, он посоветовал своему спутнику ни в коем случае не сходить с тропинки, а стараться идти, держась ее середины.

– Видишь ли, молодой человек, мы теперь находимся в королевских владениях, – ответил его провожатый, – и ходить здесь, черт возьми, совсем не то, что бродить в ваших диких горах. Здесь каждая пядь земли, за исключением тропинки, по которой мы идем, грозит опасностями и почти непроходима, потому что на каждом шагу расставлены ловушки и западни с острыми ножами или секачами, которые так же ловко отрезают ноги неосторожному путнику, как кривой нож садовника – ветви боярышника; здесь есть такие капканы, что как раз пригвоздят тебя к земле; есть и волчьи ямы, такие глубокие, что могут заживо схоронить тебя. Словом, мы в самом сердце королевских владений и сейчас увидим замок.

– Будь я королем Франции, – сказал юноша, – я не стал бы окружать себя ни ловушками, ни капканами, а постарался бы так управлять своим государством, чтобы никто не осмелился приблизиться ко мне с дурным умыслом. Тем же, кто приходил бы в мои владения с миром и дружбой, я был бы всегда рад, потому что, по-моему, чем больше друзей, тем лучше.

Спутник Дорварда оглянулся кругом с притворным испугом:

– Тише, тише, юноша! Я и забыл тебя предупредить о самой большой опасности, подстерегающей тебя в здешних местах: у каждого листочка в этом лесу есть уши и каждое слово будет передано королю.

– Что за беда! – ответил Квентин Дорвард. – Недаром же я шотландец: я всегда смело скажу, что думаю, даже в глаза королю Людовику, храни его Господь! Что же касается ушей, о которых вы говорите, – хотел бы я их видеть, чтоб отрезать моим охотничьим ножом!

Глава 3

Замок

Продолжая разговаривать, Дорвард и его новый знакомый приблизились к замку Плесси-ле-Тур, который теперь весь открылся их взорам. Даже в ту полную опасностей эпоху, когда все знатные люди принуждены были жить под защитой надежных укреплений, охрана замка отличалась особенной строгостью.

Замок был обнесен тройной зубчатой стеной с укрепленными башнями по всей ее длине и по углам. Вторая стена была немного выше первой, а третья, внутренняя, выше второй, так что с внутренних стен можно было оборонять наружные, если бы неприятель завладел ими. Француз пояснил своему юному спутнику, что вокруг первой стены идет ров в двадцать футов глубиной (они не могли его видеть, потому что стояли в ложбине, ниже основания стен), наполнявшийся при помощи шлюзов водой из Шера или, вернее, из его притока. Точно такие же глубокие рвы шли, по его словам, и вокруг двух внутренних стен. Как внутренние, так и наружные берега этого тройного ряда рвов были обнесены частоколом из толстых железных прутьев, расщепленных на концах в острые зубья, которые торчали во все стороны и делали эти рвы совершенно неприступными: попытка перелезть через них была бы равносильна самоубийству.

В центре этого тройного кольца стен стоял самый замок, представлявший собой тесную группу зданий, построенных в различные эпохи и окружавших древнейшую из этих построек – старинную мрачную башню, возвышавшуюся над замком, точно черный эфиопский великан. Узенькие бойницы, пробитые там и сям вместо окон в толстых стенах башни для ее защиты, вызывали то же неприятное чувство, какое мы испытываем, глядя на слепца. Остальные постройки также мало походили на благоустроенное, удобное жилье: все их окна выходили на глухой внутренний двор, так что по своему внешнему виду замок напоминал скорее тюрьму, чем королевский дворец.

В неприступную твердыню вел единственный вход – по крайней мере так показалось Дорварду, когда он разглядывал фасад замка, – то были ворота, пробитые в первой наружной стене, с обязательными в то время двумя высокими башнями по бокам, с опускавшейся решеткой и подъемным мостом; решетка была спущена, а мост поднят. Такие же точно ворота с башнями были видны и в двух внутренних стенах. Но все трое ворот не приходились друг против друга, потому что были расположены не по прямой линии; таким образом, их нельзя было пройти все насквозь, и, вступив в первые ворота, приходилось идти между двумя стенами ярдов тридцать в сторону, чтобы попасть во вторые. И вздумай забраться сюда неприятель – он очутился бы под перекрестным огнем, направленным на него с обеих стен. Та же участь ждала бы его, если бы ему удалось прорваться сквозь вторые ворота. Словом, для того, чтобы проникнуть во внутренний двор, где стоял замок, надо было миновать два опасных узких прохода, обстреливаемых с двух сторон, и завладеть тремя сильно укрепленными и тщательно оберегаемыми воротами.

Желая окончательно поразить Дорварда, его спутник сообщил ему, что все окрестности замка, за исключением единственной тропинки, по которой он его вел, точно так же как и лес, были усеяны ловушками, западнями и капканами, грозившими смертью тому несчастному, кто осмелился бы проникнуть сюда без провожатого; вдоль стен, по его словам, тянулся целый ряд железных сторожек, так называемых ласточкиных гнезд, где в полной безопасности сидели регулярно сменяемые часовые и откуда они могли незаметно прицелиться в каждого, кто отважился бы подойти к замку, не подав условного сигнала и не зная ежедневно менявшегося пароля; охрану замка, сказал незнакомец, день и ночь несли стрелки королев-

ской гвардии, получавшие от короля Людовика за свою службу большое жалованье и богатую одежду, не считая почета и других милостей.

– Ну-с, а теперь, молодой человек, – продолжал он, – скажи-ка мне: случалось ли тебе когда-нибудь видеть такую сильную крепость и считаешь ли ты, что ее можно взять приступом?

Дорвард давно уже не спуская глаз рассматривал замок, который так сильно заинтересовал его, что в порыве юношеского любопытства он забыл и думать о своем промокшем платье. При этом вопросе глаза его сверкнули отвагой и лицо ярко вспыхнуло, точно он обдумывал про себя смелый подвиг. Наконец он ответил:

– Спору нет, крепость сильная, почти неприступная, но для храбрецов нет ничего невозможного.

– Может быть, и ты из их числа? – улыбнулся незнакомец.

– Не хочу хвастать без надобности, – ответил Дорвард. – Но мой отец славился храбростью, а я родной и законный его сын!

– Что ж, – заметил его собеседник, – в таком случае тебе здесь есть с кем помериться силами. Королевская гвардия Людовика, охраняющая эти стены, вся состоит из твоих соотечественников – шотландских стрелков. В ней числится триста человек дворян из благороднейших домов твоей родины.

– Так будь я на месте короля Людовика, – подхватил с живостью юноша, – я возложил бы свою охрану только на этих шотландцев! И с ними о своих врагах думал бы не больше, чем о какой-нибудь мухе.

Спутник Дорварда опять улыбнулся и свернул на другую дорогу, которая была несколько шире прежней.

– Впереди у нас деревня Плесси. Там ты можешь найти удобное и недорогое пристанище, – пояснил незнакомец. – Милях в двух отсюда лежит красивый город Тур, по имени которого называется и все это богатое и цветущее графство. Но мне кажется, что тебе будет гораздо лучше остановиться именно в Плесси.

– Спасибо вам, сударь, за добрый совет, но я больше не хочу долго здесь оставаться.

– Вот как! А мне почему-то казалось, что у тебя здесь есть друзья, – сказал его спутник.

– Это верно, у меня есть здесь родственник, брат моей матери, – ответил Дорвард. – В былое время в своем родном графстве он слыл молодцом и красавцем.

– А как его зовут? – спросил незнакомец. – Я мог бы о нем справиться, потому что, видишь ли... тебе не совсем безопасно самому являться в замок, где тебя могут принять за шпиона.

– Меня – за шпиона! – воскликнул Дорвард. – Клянусь Богом, славно бы я отделал всякого, кто осмелился бы меня так назвать! Что касается дяди, у меня нет причин скрывать его имя. Его зовут Лесли; это честное и благородное имя.

– Нисколько не сомневаюсь, но дело в том, что в шотландской гвардии трое носят эту фамилию.

– Дядю зовут Людовик Лесли, – сказал юноша.

– Но из троих Лесли двое Людовики.

– Моего дядю прозвали Людовик со Шрамом, – сказал Дорвард.

– Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь... Должно быть, о Людовике Меченом, как его у нас прозвали за его шрам... Он честный малый и добрый солдат. Мне бы очень хотелось устроить ваше свидание, но, видишь ли, это не так-то легко, потому что порядок у королевских гвардейцев строгий и они редко выходят из замка, кроме тех случаев, когда сопровождают самого короля. Но прежде, милый друг, ответь мне на один вопрос. Бьюсь об заклад, что ты хочешь поступить под начальство своего дяди в шотландскую гвардию?

Если я угадал, то это очень смелый план при твоей молодости: подобная служба требует большого опыта.

– Может быть, раньше я и помышлял о чем-нибудь в этом роде, – ответил беспечно Дорвард, – но теперь у меня пропала всякая охота.

– Что так, любезный? – спросил француз, и в голосе его послышалась строгая нотка. – Почему ты так свысока отзываешься о службе, на которую стремятся попасть благороднейшие и знатнейшие из твоих соотечественников?

– И пусть стремятся на здоровье, – ответил спокойно Дорвард. – Откровенно говоря, я был бы не прочь поступить на службу к французскому королю; да только вы сами только что сказали, что его воины не вольны в своих поступках, а я не променяю своей свободы на его железные клетки. И кроме того, – добавил Дорвард, понижая голос, – мне, сказать по правде, не особенно хочется жить в замке, вблизи которого растут дубы с такими желудями, как, например, вон тот.

– Я, кажется, понял тебя, – сказал француз, – но все-таки выскажись ясней.

– Извольте, могу и ясней. Вон там, на выстрел от замка, стоит прекрасный старый дуб, – сказал Дорвард, – а на нем висит человек в точно таком же сером камзоле, какой на мне. Теперь ясно?

– А ведь и правда! Вот что значит молодые глаза, черт возьми! – заметил француз. – Я и сам вижу что-то меж ветвей. Впрочем, милый друг, что ж тут особенного? Лето перейдет в осень, лунные ночи станут длинней, а дороги опасней, и ты увидишь на этом дубе не один, а с десятков таких желудей. Что за важность? Подобные знамена развешиваются на страх негодяям, и с каждым таким висельником во Франции становится одним разбойником меньше.

– Будь я королем Людовиком, я запретил бы вешать их так близко от своего замка, – сказал юноша. – У меня на родине мертвых ворон вешают обыкновенно в таких местах, где часто собираются живые вороны, но никак не в садах и не на голубятнях. И этот ужасный трупный запах... Он даже сюда доходит.

– Поживи-ка на свете подольше да сделайся преданным, верным слугой своего государя, и ты узнаешь, дружок, что в мире ничто так приятно не пахнет, как труп врага, предателя или изменника, – заметил француз.

– Упаси бог дожить до того, чтобы потерять обоняние, зрение или любое из пяти чувств, – сказал шотландец. – Поставьте меня лицом к лицу с живым врагом или предателем – и вот вам моя рука и мой меч; но я не знаю ни ненависти, ни вражды, которые пережили бы смерть... Однако вот мы добрались и до деревни. Надеюсь доказать вам на деле, что ни холодное купание, ни этот отвратительный запах ничуть не испортили мне аппетита. Теперь прежде всего в гостиницу, и чем скорее, тем лучше... Кстати, прежде чем я воспользуюсь вашим гостеприимством, позвольте узнать ваше имя.

– Меня зовут дядюшка Пьер. За титулом я не гонюсь, потому что человек я простой и живу скромно, довольствуясь небольшим доходом.

– Ну что ж, пусть будет дядюшка Пьер, – сказал Дорвард. – Как бы то ни было, я очень благодарен счастливому случаю, который свел меня с вами.

Между тем они прошли узкую аллею рослых вязов, которая вела к воротам гостиницы, и вошли во двор. Гостиница была поставлена на широкую ногу и предназначалась для благородных посетителей, имевших какое-нибудь дело в замке, где Людовик никому и ни под каким видом не позволял останавливаться, если только его не вынуждал к этому неизбежный долг гостеприимства. Над главным входом этого большого и неуклюжего здания красовался щит с изображением королевской лилии. Ни во дворе, ни в доме, ни в прилегающих к нему службах не было заметно оживления и суеты, которые в те годы, когда и частные дома и общественные здания были полны слуг, указывали бы на обилие постояльцев и процветание

дела. Казалось, суровый, мрачный характер соседнего замка наложил свою печать и на это место, предназначенное, по тогдашним обычаям, для шумных сборищ с обильной выпивкой и хорошим угощением.

Миновав главный вход и ни с кем не заговаривая, дядюшка Пьер поднял щеколду одной из боковых дверей и ввел Дорварда в большую комнату, где ярко пылал огонь в камине и стоял стол, накрытый для обильного завтрака.

– Мой куманек обо всем подумал, ничего не забыл, – сказал он, обращаясь к Дорварду. – Ты, наверно, продрог – вот тебе огонь, обсушись и погрейся; ты голоден – сейчас тебе будет и завтрак.

Он свистнул, и в дверях показался хозяин гостиницы, ответивший на его приветствие низким поклоном.

– Я посылаю сюда человека и велел заказать завтрак... Исполнено мое поручение?

Хозяин ответил новым безмолвным поклоном и стал торопливо вносить и расставлять на столе разнообразные блюда прекрасного завтрака, ни единым словом не заикаясь об их необыкновенных достоинствах. А между тем этот завтрак, как читатель увидит из следующей главы, стоил похвал, на которые обыкновенно так щедрЫ болтливые французские трактирщики.

Глава 4

Завтрак

Итак, на долю нашего юного чужестранца выпала такая удача, какой он еще не видывал с минуты вступления на землю древней Галлии.

Завтрак, как мы уже сказали в конце предыдущей главы, удался на славу. Был тут и знаменитый перигорский пирог, за который истинный любитель охотно положил бы свою жизнь, как те гомеровские герои, которые, отведав лотоса, забывали и родину, и близких, и свои общественные обязанности. Его аппетитно подрумяненная корка вздымалась подобно крепостной стене вокруг богатого города, поставленной, чтобы охранять его несметные сокровища. Было тут и сочное рагу с чесночной приправой, любимое кушанье гасконцев, которое, однако, признают и шотландцы. Был великолепный окорок, еще недавно составлявший часть благородного вепря из соседнего Монришарского леса. Белые круглые булочки с румяной коркой были сами по себе так вкусны, что могли показаться лакомством, если бы даже их пришлось запивать простой водой. Но на столе, кроме воды, красовалась еще кожаная фляга почтенных размеров, так называемый «сапожок», вмещавший около кварты превосходного вина. Такое обилие вкусных блюд способно было и в мертвом возбудить аппетит. Поэтому легко себе представить, какое действие они произвели на здорового двадцатилетнего молодца, который (уж если говорить правду) два последних дня питался только случайно попадавшимися ему по дороге недозрелыми плодами да небольшим куском ячменного хлеба. Теперь он первым делом набросился на рагу и живо очистил все блюдо; потом смело атаковал величественный пирог и, не теряя времени, врезался в самую его середину. Запивая каждую солидную порцию стаканчиком доброго вина, он несколько раз возобновлял свои нападения на блюдо с пирогом, к изумлению трактирщика и неприкрытому удовольствию дядюшки Пьера.

– Ну, как же, по-твоему, сдержал я свое обещание накормить тебя завтраком? – спросил почтенный горожанин, когда напор шотландца стал ослабевать.

– Я в первый раз так славно поел с тех пор, как покинул Глен-хулакин, – отвечал юноша.

– Глен?.. Как ты сказал? Повтори-ка! Уж не собираешься ли ты вызвать дьявола своими колдовскими словами?

– Глен-хулакин – название нашего старинного родового поместья, сударь, – добродушно ответил Дорвард, – и в переводе на ваш язык означает «Долина мошек». Но если вам нравится потешаться над этим названием – смейтесь сколько угодно: вы ведь купили себе это право.

– У меня и в мыслях не было тебя обидеть, – сказал дядюшка Пьер. – Я просто хотел тебе объяснить, раз мой завтрак тебе понравился, что шотландские стрелки королевской гвардии всякий день завтракают так же, если не лучше.

– Это меня не удивляет, – заметил Дорвард. – Воображаю, какой у них разыгрывается аппетит после ночи, проведенной взаперти в сторожевых башнях!

– Зато они и удовлетворяют его с избытком, – сказал дядюшка Пьер. – Им не приходится, подобно бургундцам, выбирать между голой спиной и пустым желудком. Они одеваются как вельможи, а едят как аббаты.

– Тем лучше для них, – заметил Дорвард.

– Но почему бы тебе самому не стать в их ряды, молодой человек? Я уверен, что твой дядя мог бы легко тебя устроить на первое освободившееся место. Да и я сам, сказать по правде, имею кое-какие связи и мог бы быть тебе полезен. Надеюсь, ты едешь верхом не хуже, чем стреляешь из лука?

– Никто из Дорвардов не уступит любому наезднику, когда-либо ставившему кованый башмак в стальное стремя. Ваше любезное предложение, конечно, очень соблазнительно: пища и одежда – вещи, необходимые в жизни; но люди с моим характером мечтают, видите ли, о почестях, о славе и о военных подвигах.

– Почему же ты не остался в Брюсселе у герцога Бургундского? У него по крайней мере ты каждый день имел бы случай переломать себе кости, а то и сам герцог позаботился бы об этом, особенно если б узнал, что ты отколотил его лесника.

– Это правда. Что ж, видно, не судьба; этот путь навсегда закрыт для меня, – сказал Квентин.

– Впрочем, на свете много одержимых, у которых молодые безумцы всегда найдут себе дело, – продолжал дядюшка Пьер. – Что ты скажешь, например, о Гийоме де ла Марке?

– Как! Об Арденнском Бородатом Вепре? – воскликнул Дорвард. – Об этом атамане грабителей и убийц, готовых укокошить первого встречного, чтобы завладеть его плащом, убивающих безоружных священников и пилигримов так спокойно, как если б это были воины и стрелки? Нет, служить ему – значило бы навеки запятнать герб моего отца!

– Ну ладно, ладно, горячка, – перешел на шутливый тон дядюшка Пьер. – Если уж ты так щепетилен, то, по-моему, лучшее, что ты можешь сделать, – это поскорее стать самому полководцем!

– Вы смеетесь надо мной, дядюшка Пьер, – ответил юноша добродушно. – Может быть, вы и правы. Однако вы не назвали мне еще одного храброго предводителя, у которого под командой превосходное войско и кому можно служить с честью.

– Я не понимаю, о ком ты говоришь.

– Да о том, кто, подобно гробу Магомета – да будет проклят этот лжепророк! – находится меж двух магнитов, о том, кого нельзя причислить ни к французам, ни к бургундцам и кто, ловко удерживая равновесие между ними, сумел внушить страх двум великим государям...

– И все-таки я не могу взять в толк, о ком ты говоришь, – проговорил дядюшка Пьер.

– Да о ком же, как не о благородном Людовике Люксембургском, графе де Сен-Поль, великом коннетабле Франции, который во главе небольшого войска сумел удержать свои владения и теперь так же высоко держит голову, как и сам король Людовик или герцог Карл! О ком же, как не о том, кто твердо стоит на середине доски, тогда как два других качаются, стоя на ее концах!

– Зато падение грозит ему гораздо большей опасностью, чем двум другим, – заметил дядюшка Пьер. – Но послушай, мой друг... Ты считаешь грабеж таким страшным преступлением, а известно ли тебе, что твой тонкий политик граф де Сен-Поль первый подал пример, совершая грабежи и поджоги в завоеванных провинциях, и что до совершенных им постыдных опустошений воевавшие стороны всегда щадили сдавшиеся без сопротивления или беззащитные города и селения?

– Если так, то, клянусь честью, я начинаю думать, что все эти знатные господа стоят друг друга и что выбирать между ними – все равно что выбирать дерево, на котором тебя должны повесить! Но, видите ли, этот граф де Сен-Поль владеет городом, который носит имя моего покровителя, святого Квентина, и сдается мне, что, живи я в этом городе, мой святой, может быть, и обратил бы на меня свое милостивое внимание. На свете не так уж много людей носят это имя, и у него досуга больше, чем у других святых с известными именами. А теперь он и думать забыл о бедном Квентине Дорварде, своем духовном сыне, иначе не оставил бы его на целый день без пищи и на следующее утро не предоставил бы его покровительству и случайной любезности чужестранца, купленной ценою холодного купания в ледяной воде.

– Не богохульствуй, приятель! – строго сказал дядюшка Пьер. – Святой Квентин сделал для тебя, быть может, больше, чем ты полагаешь.

Пока он говорил, дверь отворилась и в комнату вошла девушка лет шестнадцати. Она несла покрытый узорчатой салфеткой поднос, на котором стояли небольшое блюдо с черно-сливом, которым всегда славился город Тур, и изящный серебряный кубок чеканной работы – произведение мастеров того же города, затмевавших в этом тонком искусстве мастеров не только других городов Франции, но даже и других стран. Дорвард невольно загляделся на прекрасный кубок, не думая о том, серебряный он или оловянный, как и та кружка, из которой он пил и которая была так хорошо отполирована, что казалась серебряной.

Однако, случайно взглянув на прислуживавшую юную девушку, он сейчас же сосредоточил на ней все свое внимание.

Его сразу поразило ее прелестное личико, обрамленное густыми черными волосами, заплетенными в мелкие косы и перевитыми гирляндой простого плюща, как носили шотландские девушки. Правильные черты, темные глаза и задумчивое выражение придавали ей сходство с Мельпоменой, а вспыхивавший по временам на лице ее слабый румянец и беглая улыбка, порхавшая вокруг ее губ и мелькавшая во взгляде, позволяли предполагать, что ей не чуждо веселье, хотя, может быть, она и не часто бывает в веселом настроении. Квентину почудилось, что какое-то затаенное горе накладывает на это красивое юное лицо не свойственный молодости отпечаток серьезности; а так как юноша с романтическим воображением всегда скор на заключения, то он тут же решил, что жизнь прелестной незнакомки связана с какой-то тайной.

– Это еще что? Что это значит, Жаклина? – сказал дядюшка Пьер, едва девушка успела войти. – Разве я не приказал, чтобы завтрак мне принесла госпожа Перетта? Черт возьми! Или она слишком хороша, чтобы служить мне?

– Тетушка не совсем здорова, – ответила Жаклина торопливо, но почтительно. – Ей нездоровится, и она не выходит из своей комнаты.

– Если она не выходит, то надеюсь, что она никого и не принимает, – сказал дядюшка Пьер, выразительно подчеркивая слова.

Жаклина побледнела и задрожала, потому что, надо правду сказать, в тоне и во взгляде дядюшки Пьера, всегда суровом и насмешливом, прозвучало что-то зловещее и подавляющее. И этого оказалось достаточно, чтобы в Квентине тотчас же проснулась рыцарская любезность горца. Он поспешил подойти к Жаклине и взял из ее рук поднос, который она покорно ему отдала, не спуская робкого, тревожного взгляда с рассерженного старика. Трудно было устоять перед этим трогательным, молившим о пощаде взглядом – и дядюшка Пьер смягчился и заговорил не только с меньшим недовольством, но так приветливо, как только был способен:

– Я не сержусь на тебя, Жаклина, ты еще слишком молода, чтобы быть вероломной и лживой, какой, к сожалению, ты станешь со временем, как вся ваша непостоянная порода. Вот и господин шотландский рыцарь скажет тебе то же.

Жаклина, как бы повинувшись дядюшке Пьеру, взглянула на молодого шотландца; но, как ни мимолетен был ее взгляд, Дорварду показалось, что он молил о помощи и сочувствии. Поддавшись молодому порыву и следуя с детства привитой привычке к рыцарскому преклонению перед женщиной, Квентин поспешил ответить, что он готов бросить перчатку любому, кто осмелится утверждать, будто за такой прелестной внешностью может скрываться злое и порочное сердце.

Девушка побледнела как смерть и бросила испуганный взгляд на дядюшку Пьера, на лице которого выходка молодого человека вызвала только презрительную улыбку. Между тем Квентин, который частенько рубил сплеча, прежде чем успевал обдумать свои слова, спохватился и вспыхнул при мысли, что его ответ мог быть принят за желание поломаться

перед мирным и безобидным стариком. Поняв свой промах, молодой человек решил в наказание себе спокойно вытерпеть смешное положение, в которое попал по заслугам. Покраснев еще больше, он смиренно подал дядюшке Пьеру поднос с кубком, стараясь улыбкой прикрыть свое замешательство.

– Ты просто еще молод и глуп, – сказал дядюшка Пьер, – и так же плохо знаешь женщин, как и государей, о которых судишь вкривь и вкось, тогда как сердца их (тут он набожно перекрестился) – в руках Божьих.

– А в чьих же руках, по-вашему, сердца женщин? – спросил Квентин, стараясь не поддаваться невольному уважению, которое внушал ему этот странный человек, и стыдясь признать его превосходство, ибо тот подавлял его своим небрежно-высокомерным обращением.

– Ну, уж об этом потрудись справиться у кого-нибудь другого, – невозмутимо ответил дядюшка Пьер.

Этот новый отпор, однако, не очень смутил Квентина. «Ведь не в благодарность же за такое пустое одолжение, как завтрак, хоть он и был очень хорош, я против воли чувствую уважение к этому турецкому горожанину! – подумал юноша. – Можно приручить сокола или собаку, накормив их, но для того, чтобы привязать к себе человека и заслужить его благодарность, надо еще иметь доброе сердце. Нет, в этом старике есть что-то необыкновенное... А эта девушка, промелькнувшая чудным видением, не может быть простой служанкой. Она чужая здесь, в этой захудалой гостинице... И этот богатый торгаш ей тоже чужой, хотя он и имеет над ней какую-то власть, как, впрочем, и над всеми, кто случайно приближается к нему. Это удивительно, как много значения фламандцы и французы придают богатству... Взять хотя бы этого купца: я уверен, что уважение, которое я оказываю его летам, он приписывает своему туго набитому кошельку. Это я-то, шотландский дворянин старинного рода, стану унижаться перед каким-то торгашом!» Эти мысли быстро мелькали в голове Дорварда, в то время как дядюшка Пьер, поглаживая Жаклину по головке, говорил ей с улыбкой:

– Все в порядке, ты можешь идти, Жаклина. Этот юноша сам сделает для меня все, что надо... А уж твоей легкомысленной тетке я непременно скажу, чтобы она в другой раз не подвергала тебя понапрасну любопытным взглядам...

– Но ведь она прислала меня только затем, чтобы прислуживать вам, – сказала девушка. – Я надеюсь, что вы...

– Черт возьми! – перебил ее дядюшка Пьер, не особенно, впрочем, сердито. – Ты, кажется, намерена со мной спорить, малютка? Ступай... Будь покойна, мне не зазорно принимать услуги от шотландского дворянина.

Жаклина исчезла. Но она настолько заняла все внимание Дорварда, что, когда дядюшка Пьер, небрежно развалившись в просторном кресле, сказал ему тоном человека, привыкшего повелевать: «Поддай мне поднос», – Дорвард машинально повиновался.

– Прелестная девушка, не правда ли? – сказал купец, подняв голову и устремив на Квентина твердый, пристальный взгляд. – Слишком хороша, чтобы быть служанкой в трактире! Она, конечно, могла бы украсить дом любого честного горожанина, да только невоспитанна и низкого рода.

Бывает часто, что одно случайно брошенное слово разрушает построенный нами прекрасный воздушный замок, и нельзя сказать, чтобы мы всегда были благодарны за это слово, хотя бы оно было сказано и без злого умысла. Слова старика смутили Дорварда, и он, сам не зная почему, готов был рассердиться на него за сообщение, что эта прелестная девушка – простая трактирная служанка, как о том свидетельствовали и ее занятия. В лучшем случае она племянница или родственница трактирщика, но все-таки не более чем служанка, обязанная прислуживать посетителям, подчиняться их приказаниям, подлаживаться к их настроениям и угождать им, как она сейчас угождала дядюшке Пьеру, который был не без причуд и, по-видимому, достаточно богат, чтобы требовать исполнения своих прихотей.

Между тем купец о чем-то глубоко задумался. Очнувшись, он набожно перекрестился, потом съел несколько сушеных слив, закусил сухариком и сделал знак Квентину подать ему кубок. Когда молодой человек исполнил его приказание, он сказал:

– Ты, кажется, говорил мне, что ты дворянин?

– Без всякого сомнения, дворянин, если только для этого достаточно насчитывать пятнадцать поколений предков, как я уже говорил вам, – отвечал шотландец. – Но вы, пожалуйста, не стесняйтесь, дядюшка Пьер: мне с детства внушали, что младшие должны уважать старших.

– Прекрасно, – заметил невозмутимо купец, принимая кубок из его рук. И он не спеша наполнил его водой из серебряного кувшина, не обнаруживая при этом ни малейшего угрызения совести за свою бесцеремонность, как, может быть, ожидал Квентин.

«Однако, черт возьми, что за развязный купчишка! – подумал юноша. – Заставляет прислуживать себе шотландского дворянина, точно это какой-нибудь мальчуган из Глена».

Между тем купец осушил кубок и сказал:

– Судя по тому, с каким рвением ты давеча приправлял свою пищу вином, я не думаю, чтоб ты пожелал выпить со мной за компанию чистой воды. Впрочем, я знаю способ превратить простую ключевую воду в самое тонкое вино.

С этими словами он вытащил из-за пазухи объемистый кошелек и наполнил кубок больше чем до половины серебряной монетой. Кубок, правда, был не особенно велик.

– Итак, молодой человек, помни, что у тебя гораздо больше оснований быть признательным твоему покровителю святому Квентину, чем ты до сих пор полагал, – сказал дядюшка Пьер. – Советую тебе не гневаться на него. Оставайся здесь, пока не повидеешься с Меченым: после полудня он сменится с дежурства. А у меня дело в замке – вот я, кстати, и передам ему, что ты его ждешь.

Квентин мысленно подыскивал, в каких бы выражениях повежливее отказаться от щедрого подарка, но дядюшка Пьер сердито насупил брови, выпрямился и, закинув голову с видом гордого достоинства, добавил повелительным тоном:

– Без возражений, молодой человек!

С этими словами он вышел из комнаты, сделав Квентину знак, чтобы тот его не провожал.

Молодой шотландец был ошеломлен. Он терялся в догадках и не знал, что ему думать. Первым его движением (самым естественным, хотя, может быть, и не самым благородным) было заглянуть в кубок. Он был почти полон. Денег было так много, что Квентин во всю свою жизнь, наверно, ни разу не имел и двадцатой доли такой суммы. Но мог ли он, не унижая своего дворянского достоинства, принять подарок от богатого горожанина? Это был трудный вопрос, ибо, хотя Квентину и удалось плотно позавтракать, ему, однако, не на что было добраться ни до Дижона (если бы, рискуя навлечь на себя гнев герцога Бургундского, он все-таки решился поступить к нему на службу), ни тем более до Сен-Кантена (если бы выбор его остановился на коннетабле де Сен-Поле). Дело в том, что у молодого шотландца было твердое намерение поступить на службу либо к французскому королю, либо к кому-нибудь из этих двух государей. Окончательное решение этого вопроса он собирался представить дяде, и в его положении это было самое разумное, что он мог придумать. А пока что он спрятал деньги и позвал хозяина гостиницы, чтобы отдать ему серебряный кубок, а кстати и порасспросить об этом загадочном, щедром и в то же время надменном купце.

Хозяин скоро явился и оказался на этот раз если и не очень общительным, то, во всяком случае, не таким скупым на слова, как раньше. Он наотрез отказался взять кубок, так как, сказал он, кубок не его, а дядюшки Пьера, и тот, надо думать, подарил его своему гостю. Правда, у него тоже есть четыре серебряных кубка, доставшихся ему по наследству от его покойной бабушки, но они так же похожи на эту изящную вещь, как репа на персик, потому

что, видите ли, это турский кубок работы Мартина Доминика, художника, равного которому не найти и в Париже.

– А кто же этот дядюшка Пьер, делающий такие подарки чужестранцам? – перебил его Дорвард.

– Кто таков дядюшка Пьер? – повторил хозяин с расстановкой, точно процеживая каждое слово.

– Ну да, дядюшка Пьер! Кто он и с какой стати швыряется такими дорогими подарками? – переспросил Дорвард нетерпеливо и настойчиво. – И кто тот, другой, похожий на мясника молодчик, которого он посылал сюда заказывать завтрак?

– Клянусь честью, сударь, вы бы лучше справились у самого дядюшки Пьера, кто он таков. Что же касается человека, заказавшего завтрак, то да хранит вас Бог от близкого с ним знакомства!

– Здесь кроется какая-то тайна. Этот дядюшка Пьер сказал мне, что он купец.

– Если сказал, значит, купец и есть, – ответил хозяин.

– Какого же рода торговлю ведет он?

– Как вам сказать... Всякую, сударь...

– Ну, а молодая девушка, которая приносила ему завтрак, кто она, мой друг? – спросил юноша.

– Моя жилица, сударь. Она живет со своей опекуншей – теткой или другой родственницей, этого уж я вам доподлинно сказать не могу, – ответил хозяин.

– А разве у вас принято, чтобы постояльцы прислуживали друг другу? – спросил Дорвард. – Я заметил, что этот дядюшка Пьер не пожелал, чтобы ему прислуживали ни вы, ни ваши люди.

– Богатый человек может иметь свои причуды, сударь, потому что у него есть чем за них заплатить, – сказал хозяин. – А дядюшка Пьер умеет заставить прислуживать себе кое-кого и познатнее.

Молодого шотландца покорило от этого намека; однако он затаил досаду и спросил хозяина, нельзя ли отвести ему комнату на день, а может быть, и на более продолжительный срок.

– Разумеется, сударь, – ответил хозяин, – и на столько времени, на сколько прикажете.

– А нельзя ли мне засвидетельствовать почтение моим будущим соседкам, вашим жилицам? – спросил Дорвард.

Хозяин замялся. Этого он не знает, потому что, «видите ли, дамы сами никуда не выходят и у себя никого не принимают».

– За исключением дядюшки Пьера, надо думать? – осведомился Дорвард.

– Не знаю, да и не имею права вмешиваться в чужие дела, – последовал почтительный, но твердый ответ.

Квентин высоко ставил свое дворянское достоинство, хотя у него и не хватало средств с честью поддерживать его, поэтому ответ хозяина задел его за живое, и он решил немедленно придать себе весу в его глазах, показав, что знаком с принятым в то время обычаем вежливости.

– Ступайте, – сказал он хозяину, – передайте дамам мой низжайший поклон и скажите им, что Квентин Дорвард из Глен-хулакина, шотландский дворянин и их сосед, просит разрешения лично засвидетельствовать им свое почтение.

Хозяин вышел, но очень скоро вернулся и сказал, что дамы благодарят шотландского кавалера и извиняются перед ним, так как не могут принять его, ибо они вообще никого не принимают.

Квентин закусил губу. «Клянусь мессой, удивительная страна! – подумал он. – Купцы важничают и сорят деньгами, словно какие-нибудь вельможи, а путешествующие девицы,

останавливающиеся в трактирах, держат себя так, точно они переодетые принцессы! Ну да уж будь что будет, а я непременно увижу эту чернобровую красавицу!» И, приняв это утешительное решение, он попросил хозяина указать ему его комнату.

Хозяин провел его по витой лестнице наверх, в длинный коридор, куда выходил целый ряд дверей, словно в монастыре. Это сходство пришлось не особенно по душе Квентину, в памяти которого еще было свежо воспоминание о скучных днях, недавно проведенных им в стенах монастыря. Хозяин остановился в самом конце коридора и, выбрав ключ из связки, висевшей у него на поясе, отпер дверь и ввел Дорварда в комнату, помещавшуюся в небольшой башенке; комната была, правда, очень мала, но зато опрятна и расположена в стороне от других; в ней стояли небольшая кровать и чистенькая мебель, расставленная в полном порядке. Дорварду она показалась настоящим дворцом.

– Надеюсь, сударь, что вам понравится ваше помещение, – сказал хозяин. – Я считаю своей обязанностью угождать гостям дядюшки Пьера.

– И все это благодаря моему счастливому купанию! – с восторгом воскликнул Квентин Дорвард, как только хозяин вышел из комнаты, и даже подпрыгнул от удовольствия. – Никогда еще удача не была такой желанной, хоть она и явилась ко мне в мокром платье! Судьба положительно засыпала меня своими дарами!

С этими словами он подошел к единственному окну в своей комнате. Башенка выступала вперед за линию фасада, и из ее окна был виден красивый, довольно большой сад. Кроме того, если смотреть из окна вдоль фасада, на другом конце здания была видна другая такая же башенка с точно таким же окном, как в комнате Дорварда. Человеку лет на двадцать постарше трудно было бы понять, почему это окно заинтересовало юношу больше, чем красивый сад. Увы, глаза человека лет за сорок равнодушно смотрят на маленькое полуоткрытое для прохлады окно, наполовину завешенное шторой, даже когда это окно слегка защищено ставней от палящих лучей солнца (а может быть, и от нескромных взглядов) и даже тогда, когда на оконнице висит прикрытая легким зеленым шарфом лютня. Но в счастливом возрасте Дорварда такой необыкновенный случай, как непременно сказал бы поэт, является уже достаточным основанием для тысячи воздушных замков и таинственных догадок, при воспоминании о которых человек зрелых лет только улыбается и вздыхает, вздыхает и улыбается.

И тем не менее Дорвард не стал открыто показывать в окно свое любопытное лицо. Он как опытный птицелов притаился у окна и стал наблюдать сквозь решетчатые ставни и скоро действительно имел счастье увидеть, как прелестная белая ручка протянулась и сняла висевшую на оконнице лютню. Еще минута – и его слух также получил награду за эту уловку.

Незнакомка из башни – обладательница лютни и шарфа – запела одну из тех старинных песенок, какие певали во времена рыцарства прелестные дамы своим воздыхателям – рыцарям и трубадурам. Слова этих песен, всегда простые и романтические, не отличались ни умом, ни глубоким чувством, ни полетом фантазии и не могли заставить забыть о музыке, под которую они пелись, так как и музыка не отличалась глубиной, способной отвлечь внимание от слов: они лишь дополняли друг друга.

О рыцарь мой!
Все скрыто тьмой,
Миг встречи недалек,
И в час желанный, благоуханный
Повеял ветерок...

И так далее. Но что бы там ни думал читатель об этой песенке, она была очень трогательно спета и произвела на Квентина чарующее впечатление. Лица певицы почти не было видно, и это еще усиливало ее таинственное обаяние.

И тут Дорвард, горевший нетерпением разглядеть певицу, сделал неосторожное движение. Звуки лютни разом оборвались, окно захлопнулось, темная штора опустилась, и наблюдениям любопытного соседа был положен конец.

Дорварда глубоко огорчило последствие его неосторожности, но он утешал себя надеждой, что Дева Лютни не может надолго отречься от музыки или же от удовольствия открыть окно и подышать чистым свежим воздухом. Быть может, к этим утешительным мыслям примешивалась и некоторая доля тщеславия. Ведь если в башенке напротив, как Дорвард сильно подозревал, обитала красавица с длинными черными косами, то в другой башенке – это он знал наверняка – жил молодой белокурый рыцарь, которого он считал и статным, и красивым, и смелым. А из романов – этих умудренных опытом наставников юношества – он знал, что ни робость, ни застенчивость не мешают молоденьким девушкам быть любопытными и интересоваться соседями и их делами.

В то время как Квентин углубился в эти размышления, в комнату вошел слуга и доложил, что его желает видеть какой-то рыцарь.

Глава 5

Воин

Рыцарь, ожидавший Квентина Дорварда в той комнате, где он недавно завтракал, был одним из тех людей, о которых Людовик XI любил говорить, что они держат в своих руках судьбу Франции; им была вверена защита и охрана его королевской особы.

Знаменитый отряд стрелков так называемой шотландской гвардии был учрежден Карлом VI, у которого были уважительные причины окружать свой престол чужими, наемными войсками. Шотландцы, наследственные враги Англии, были старинными и, можно даже сказать, естественными друзьями и союзниками Франции. Сами французские государи, как правило, старались упрочить преданность этих отборных чужеземных отрядов, оказывая им всякие почести и платя большие деньги, которые те тратили со свойственной воинам расточительностью, стараясь с честью поддержать свое высокое положение. Все шотландские стрелки пользовались дворянскими привилегиями, а близость к королю возвышала их в собственных глазах и поднимала их значение в глазах французов. Они были превосходно одеты и вооружены, у каждого была прекрасная лошадь, каждый имел право и возможность держать оруженосца, пажа, слугу и двух телохранителей.

Людовик Лесли – или, как мы теперь чаще будем его называть, Людовик Меченый, – был здоровый, коренастый человек футов шести ростом, с суровым лицом; огромный шрам, шедший ото лба через уцелевший правый глаз и пересекавший обезображенную щеку до самого основания уха, придавал его лицу жестокое выражение. Этот ужасный шрам – то красный, то багровый, то синий, то почти черный, смотря по тому, в каком настроении находился Людовик Меченый: волновался или сердился, кипел страстью или был спокоен, – сразу бросался в глаза, резко выделяясь на его обветренном, покрытом темным загаром лице.

Он был богато одет и прекрасно вооружен. Голову его прикрывала национальная шотландская шапочка, украшенная пучком перьев, прикрепленных серебряной пряжкой с изображением Богоматери. Эти пряжки были пожалованы шотландской гвардии самим королем, который в один из припадков суеверной набожности посвятил Пресвятой Деве мечи своей гвардии; некоторые историки утверждают даже, что он пошел дальше и возвел Богоматерь в звание шефа своих стрелков. Нашейник его лат, налокотники и нагрудники были из превосходной стали, искусно выложенной серебром, а его кольчуга сверкала, как иней ярким морозным утром на папоротнике или вереске. На нем был широкий камзол из дорогого голубого бархата, с разрезами по бокам, как у герольдов, и с вышитыми серебром на спине и на груди Андреевскими крестами. Наколенники и набедренники были из чешуйчатой стали; кованые стальные сапоги защищали ноги; на правом боку висел крепкий широкий кинжал, а на левом, на богато расшитой перевязи, висел тяжелый двуручный меч. Впрочем, в ту минуту, когда Дорвард увидел Людовика Меченого, тот, сняв для удобства громоздкий меч, держал его в руках, так как правила службы строго запрещали ему с ним расставаться.

Хотя Дорвард, как и каждый шотландец той эпохи, был с детства знаком и с войной, и с военными доспехами, тем не менее он должен был признать, что никогда еще не видел такого мужественного и так хорошо вооруженного воина, как брат его матери Людовик Лесли по прозвищу Меченый. Однако он невольно отступил перед таким свирепым с виду дядей, когда тот пожелал его обнять и, царапая ему щеки своими щетинистыми усами, поздравил с благополучным прибытием во Францию, после чего стал расспрашивать, какие новости племянник привез из Шотландии.

– Мало хорошего, дядюшка, – ответил Дорвард. – Но как я рад, что вы меня так скоро узнали!

– Я бы, кажется, узнал тебя, мальчуган, даже если б встретил в кабаке среди таких же франтов. Однако садись, садись, дружок! И если у тебя только печальные вести, мы поскорее запьем их добрым винцом... Эй, старый кремень, почтенный хозяин! Подай нам вина, да самого лучшего... Живо!

Хозяин повиновался с такой поспешностью, какую может вызвать только страх, и в один миг бутылка шампанского очутилась на столе. Дядюшка выпил полный стакан, племянник только пригубил, чтобы не обидеть любезно угощавшего его родственника. Он извинился, сказав, что уже немало выпил сегодня.

– Это было бы прекрасным извинением в устах твоей сестры, милый племянник, – сказал Меченый, – тебе же не пристало бояться бутылки, если только ты хочешь носить бороду и намерен сделаться воином... Однако что же это ты, братец! Высыпай-ка свои шотландские новости... Что слышно в Глен-хулакине? Что поделявает моя сестра?

– Она умерла, дядюшка, – печально ответил Квентин.

– Умерла? – воскликнул Меченый, и в его тоне слышалось больше удивления, чем огорчения. – Но ведь она была на целых пять лет моложе меня, а я еще никогда, кажется, не был здоровее, чем теперь... Умерла, говоришь? Удивительно! А я так вот ни разу даже не болел – разве только голова иной раз трещит после дружеской попойки... Так сестра, бедняжка, умерла! Ну, а отец твой, дружок, конечно, женился?

Но, прежде чем Дорвард успел ответить, дядя, вообразив по изумленному выражению его лица, что угадал ответ, быстро продолжал:

– Как, неужели еще не женился? Я готов был поклясться, что Аллан Дорвард не может обойтись без жены.

– Но, милый дядюшка, ведь мать моя овдовела за год до своей смерти, еще во время разгрома Глен-хулакина! Отец, два дяди, два старших брата, семеро других наших родственников, наш управляющий, менестрель и шестеро слуг были убиты, защищая замок от нападения Огилви, и теперь в Глен-хулакине не осталось камня на камне.

– Да это, что называется, настоящий разгром, клянусь крестом святого Андрея! Эти Огилви всегда были опасными соседями для Глен-хулакина. Какое несчастье! Впрочем, на то и война, братец, на то и война! Когда же стряслась эта беда, милый племянник?

Задав этот вопрос, Людовик Лесли залпом опорожнил большой стакан вина и горестно покачал головой в ответ на сообщение племянника, что вся его семья была перебита в прошлом году, в день святого Иуды.

– Вот видишь! – воскликнул старый воин. – Недаром я сказал: чья возьмет! Представь себе, что в этот же самый день я с двадцатью товарищами атаковал замок Черный Утес, принадлежавший Амори Железной Руке, вождю вольных стрелков, о котором ты, вероятно, слышал. Я раскроил ему голову на пороге его собственного дома и добыл столько золота, что из него вышла вот эта цепь, которая прежде была вдвое длиннее... Кстати, это навело меня на мысль употребить часть ее на богоугодное дело... Эндрю, эй, Эндрю!

На зов в комнату вошел его телохранитель, одетый в форму шотландских стрелков.

– Снеси это в монастырь Святого Мартина, моему приятелю, веселому отцу Бонифацию, – сказал он. – Кланяйся ему от меня, передай, что я велел ему сказать: «Да благословит вас Бог!» – он никак не мог этого выговорить, когда расставался со мной в последний раз ночью, – и скажи, что у меня умерли брат, сестра и еще несколько родственников и что я прошу его помолиться в церкви за упокой их душ столько раз, сколько он найдет возможным за этот обрывок цепи. Если же этого окажется мало, чтобы спасти их души из чистилища, пусть еще помолится в долг. Да смотри, брат, берегись, если хоть одно звено этой цепочки вместо рук монаха попадет в кабак! Постой, я вижу, что ты заришься на эту бутылку... На вот, выпей и отправляйся.

С этими словами он наполнил стакан до краев и подал его слуге, а тот залпом выпил вино и пошел исполнять приказание своего господина.

– Ну, племянник, рассказывай теперь, какой жребий выпал на твою долю в этой несчастной схватке.

– Я дрался, не отставая от тех, кто был старше и сильнее меня, пока все они не были перебиты, а я сам не потерял сознание от полученной страшной раны. Но наконец они утомились резней, и матушке, заметившей во мне признаки жизни, удалось упросить их пощадить хоть меня. Одному ученому монаху из Абербротока, который случайно был у нас в замке в тот роковой день и сам едва не погиб во время нападения, разрешили перевязать мою рану. Но за это разрешение они принудили и его, и матушку дать обещание, что я пойду в монахи.

– В монахи! – воскликнул Лесли. – Клянусь небом, ничего подобного никогда не случилось! Но для чего это, хотел бы я знать?

– Чтобы заставить род моего отца угаснуть вместе со мной в монастыре или в могиле, – ответил Дорвард с глубоким волнением.

– Да, да, теперь понимаю. Ловко придумано! Ах они негодяи! Однако они могли и ошибиться в расчете, потому что, видишь ли, я сам знал одного каноника, некоего Роберсарта, который был пострижен, а потом бежал из монастыря и сделался начальником отряда вольных стрелков. У него была подруга, красотка, каких мне редко приходилось видеть. Нет, племянник, на монахов никогда не следует полагаться, никогда: в любую минуту монах может превратиться в солдата. Так-то дружок... Ну ладно, рассказывай дальше.

– Больше почти нечего рассказывать. Остается только прибавить, что, желая избавить мою бедную мать от всякой ответственности за меня, я поступил в монастырь, надел рясу послушника и подчинился всем монастырским правилам. Тут-то я и научился грамоте.

– Грамоте! – воскликнул с изумлением Меченый, которому всякие знания, превышавшие его собственные, казались чем-то сверхъестественным. – Значит, ты умеешь читать и писать? Это просто невероятно! Никто из Дорвардов, да и из Лесли, сколько я знаю, не умел подписать свое имя. По крайней мере за одного из Лесли я могу поручиться: для меня так же немыслимо писать, как летать. Но, клянусь святым Людовиком, как же они умудрились тебя научить?

– Сначала, правда, было трудненько, ну а потом пошло легче. К тому же я так ослабел от ран и от потери крови, что ни на какое другое дело не был годен, да и хотелось мне угодить отцу Питеру, моему избавителю. Тем временем, протосковав несколько месяцев, умерла моя бедная мать. И как только здоровье мое окончательно поправилось, я сбежал.

– Это хорошо, это очень хорошо, – сказал Лесли. – Наш король смотрит сквозь пальцы на всевозможные проделки. Так что здесь на это никто не обратит внимания. Ну, а как твой карман, племянник? Бьюсь об заклад, что он не слишком-то обременял тебя в пути.

– Буду откровенен, дядя, – сказал Дорвард. – Горсть мелкого серебра – вот все мое богатство.

– Это плохо, приятель! Я не люблю и не умею копить, да и к чему это по нынешним тревожным временам? Однако у меня всегда найдется в запасе какая-нибудь безделушка – не цепь, так браслет, не браслет, так ожерелье, – которую я ношу при себе и в случае надобности всегда могу пустить в оборот целиком или по частям. И тебе я советую следовать моему примеру. Может быть, ты меня спросишь, племянник, откуда я беру эти вещицы? – сказал Людовик Меченый, с самодовольным видом потряхивая своей золотой цепью. – Они, конечно, не растут на кустах или в поле, как златоцвет, из которого ребятишки делают себе ожерелья. Но что за беда! Ты можешь добывать их там же, где и я, – на службе у доброго короля французского. Вот где легко набрать много всякого добра, лишь бы хватило храбрости рисковать жизнью и не отступать перед опасностью!

– Я слышал, однако... – сказал Дорвард, ибо он не принял еще окончательного решения, – я слышал, что двор герцога Бургундского гораздо пышней и богаче французского двора и что служить под знаменами герцога гораздо почетней: бургундцы – мастера драться, и у них есть чему поучиться, не то что у вашего христианнейшего короля, который все победы одерживает языками своих послов. Так не лучше ли поступить на службу к нему?

– Ты рассуждаешь как легкомысленный мальчишка, милый племянник. Впрочем, я и сам, помнится, был так же прост, когда попал сюда в первый раз. Я представлял себе короля не иначе, как сидящим под балдахином с золотой короной на голове и пирующим со своими рыцарями и вассалами или скачущим во главе войска, как поют в романсах о Карле Великом. Я воображал, что короли не едят ничего, кроме бланманже... А хочешь, я тебе шепну на ушко: всё это бредни, лунный свет на воде... Политика, братец, политика, – вот в чем сила! Ты, может быть, спросишь меня, что такое политика? Это искусство, которое создал французский король, искусство сражаться чужим оружием и черпать деньги для уплаты своим войскам из чужого кармана. Да, это мудрейший из всех государей, когда-либо носивших пурпур, хоть он никогда его не носит и часто одевается проще, чем это подобает даже мне.

– Но это не ответ на мой вопрос, дядюшка, – заметил Дорвард. – Понятно, что, если уж я вынужден служить на чужой стороне, мне хотелось бы устроиться на такую службу, где я мог бы при случае отличиться и прославить свое имя.

– Я понимаю тебя, прекрасно понимаю, племянник, только ты-то сам мало еще смыслишь в этих делах. Герцог Бургундский – смельчак, человек горячий и вспыльчивый, отчаянная голова, что и говорить! Во всех схватках он всегда первый, всегда во главе своих рыцарей и вассалов. Но неужели ты думаешь, что, служа у него, ты или я могли бы выдвинуться перед герцогом? Отстань мы от них в схватке хоть на шаг, нас не задумываясь обвинят в нерадивости; а если допустить, что нам удалось бы опередить других хотя бы на длину копья – что и трудно, и очень опасно, светлейший герцог скажет только: «Молодчина шотландец! Дать ему флорин: пусть выпьет за наше здоровье!» – и больше ничего! Если ты чужестранец, ничего не жди на службе у герцога – ни высокого чина, ни земель, ни денег: все это достается только своим, только сынам родной земли.

– А кому же еще оно может достаться, дядюшка? – воскликнул Дорвард.

– Тем, кто защищает этих сынов! – ответил Меченый с гордостью, выпрямляя свой могучий стан. – Король Людовик рассуждает так: «Ты, простофиля Жак, добрый мой крестьянин, знай свое дело – свой плуг, свою борону, свою кирку или лопату, – а мои храбрые шотландцы будут сражаться за тебя. Твоя забота – заплатить за их труд из своего кармана, и только... А вы, мои светлейшие герцоги, благородные графы и могущественные маркизы, умерьте вашу храбрость, пока в ней нет нужды. Вот мои наемные войска, вот моя гвардия, вот мои шотландские стрелки и с ними мой честный Людовик Меченый; они будут сражаться не хуже, если не лучше вас». Ну что, теперь тебе понятно, где лучше нашему брату, искателю счастья и славы, и где можно скорее рассчитывать на отличия и на высокие почести?

– Понятно-то понятно, дядюшка, – ответил Дорвард, – только, на мой взгляд, нельзя отличиться там, где нет опасности. И вы меня, пожалуйста, извините, но, по-моему, караулить старика, на которого никто не нападает, проводить летние дни и зимние ночи на стенах крепости, – это жизнь для лентяев... Эх, дядя, ведь это все равно что быть соколом, которого держат на насесте и никогда не берут на охоту!

– Клянусь святым Мартином Турским, мальчик-то с огоньком! Сейчас видна кровь Лесли: ни дать ни взять я сам в его годы, только у этого, пожалуй, еще больше безрассудства. Слушай же хорошенько, племянник, что я тебе скажу, – и да здравствует король Франции! Не проходит дня, чтобы нам не давали поручений, исполняя которые можно добыть и славу, и деньги. Не думай, что самые опасные и смелые подвиги делаются только при свете дня. Я мог бы тебе привести не один пример, вроде нападений на замки, захвата пленных

и тому подобных дел, когда некто – я не стану называть его имени – подвергался страшной опасности и заслужил большие милости, чем самые бесстрашные головорезы бесстрашного герцога Бургундского. И если его величеству угодно при этом держаться в тени, тем беспристрастнее может он оценить смелые подвиги, в которых сам не принимает участия, и тем справедливее наградить отличившихся воинов. Да, это мудрый монарх и тонкий политик!

Дорвард несколько минут хранил молчание и наконец тихо, но выразительно сказал:

– Добрый отец Питер часто поучал меня, что подвиги, в которых нет славы, могут быть пагубны. Мне, конечно, нет надобности спрашивать вас, дядюшка, всегда ли согласны с правилами чести эти тайные поручения.

– За кого ты меня принимаешь, племянник? – строго спросил Меченый. – Правда, я не воспитывался в монастыре и не умею ни читать, ни писать, но я – брат твоей матери, честный Лесли. Неужели ты думаешь, что я мог бы предложить тебе что-нибудь бесчестное?

– Нет-нет, дядюшка, я верю каждому вашему слову! – сказал юноша с жаром. – Ведь вы мой единственный родственник. Но правду ли рассказывают, будто у короля здесь, в Плесси, такой странный двор? Правда ли, что при нем нет ни рыцарей, ни дворян, никого из его славных вассалов? Что свои редкие развлечения он делит со слугами замка и держит тайные советы с самыми темными и неизвестными людьми? Правда ли, что он унижает дворян и покровительствует людям низкого происхождения?

– Ты рассуждаешь как малый ребенок, – ответил Меченый. – Посуди сам: если король даже и пользуется услугами своего цирюльника Оливье в таких делах, которые тот выполняет лучше всякого пэра, разве государство не выигрывает от этого? Если он поручает все-сильному начальнику полиции Тристану арестовать такого-то мятежного горожанина или такого-то беспутного дворянина, то он уж знает, что приказание его будет сейчас же исполнено, и делу конец. А попробуй-ка он дать подобное поручение какому-нибудь герцогу или пэру, так тот в ответ пришлет ему, пожалуй, вызов! И если опять-таки королю угодно возложить какое-нибудь дело на Людовика Меченого, который в точности все исполнит, а не на великого коннетабля, который может все провалить, разве, по-твоему, это не доказательство его мудрости? А главное, Людовик, как никто, умеет выбирать своих приближенных и каждому, как говорится, давать ношу по плечу. Но что это? Кажется, звонят у Святого Мартина! Я должен спешить в замок. Прощай! Желаю тебе веселиться, а завтра в восемь часов приходи к подъемному мосту и попроси часового, чтобы вызвал меня. Да, скоро ты увидишь короля, тогда и сам научишься ценить его по достоинству... Прощай!

С этими словами Меченый поспешно вышел из комнаты, позабыв второпях расплатиться за выпитое вино – рассеянность, часто присущая людям его склада. А сам хозяин, которого, вероятно, смутили перья, развевавшиеся на шляпе гостя, а может быть, его тяжелый меч, не осмелился напомнить о его забывчивости.

Читатель, вероятно, думает, что, как только Дорвард остался один, он поспешил в свою башенку в надежде еще раз насладиться звуками волшебной музыки, навеявшей на него поутру такие сладкие грезы. Но мысли, вызванные разговором с дядей, так захватили юношу, что вытеснили из головы все другие.

Квентин решил пойти прогуляться по берегу быстрого Шера. Расспросив предварительно хозяина, по какой дороге можно пройти к речке, он отправился в путь, стараясь разобраться в путанице осаждавших его мыслей и остановиться на каком-нибудь решении, ибо свидание с дядей нисколько не рассеяло его сомнений.

Глава 6

Цыгане

Воспитание, полученное Квентином Дорвардом, не могло способствовать смягчению его сердца и развитию высоких нравственных чувств. Как и все в его семье, он считал охоту лучшим развлечением, а войну – единственным серьезным делом. Всем Дорвардам с детства внушали, что их первый долг – это стойко выносить несчастья и жестоко мстить врагам.

Свидание с дядей смутило и разочаровало его. А он так на него надеялся! В те времена, разумеется, не могло быть и речи о переписке, но часто случалось, что какой-нибудь пилигрим, странствующий купец или инвалид-воин приносил в Глен-хулакин вести о Людовике Лесли. И сколько раз, бывало, слушал маленький Дорвард рассказы о его удачах и несокрушимой храбрости! Воображение мальчика создало яркий образ этого далекого, смелого и славного дяди, чьи подвиги восхвалялись рассказчиками, и он представлял его себе одним из воспетых менестрелями славных рыцарей, которые мечом и копьем добывали себе короны и завоевывали королевских дочерей. И вот теперь ему пришлось развенчать этого прославленного дядю и усомниться в его рыцарском достоинстве. Однако все еще полный глубокого почтения, внушенного ему с детства к родственникам и ко всем старшим, ослепленный своим прежним чувством к дяде, к тому же молодой, неопытный и страстно преданный памяти горячо любимой матери, Дорвард не мог видеть в ее родном брате того, кем он был в действительности, то есть обыкновенного наемника, не хуже и не лучше большинства людей одной с ним профессии, наводнявших в то время Францию и составлявших одно из многих бедствий этой страны.

Меченый не был жестоким от природы, но привык относиться равнодушно к человеческой жизни и страданиям. Глубоко невежественный и алчный, он в то же время был крайне расточителен, когда дело шло об удовлетворении его страстей. Привычка думать только о себе, заботиться только о своих личных нуждах и интересах сделала его самым эгоистичным животным в мире. Он даже не в состоянии был (как, может быть, уже заметил читатель) говорить о каком-нибудь предмете, чтобы сейчас же не свернуть на себя и не припутать к делу собственную персону. К этому надо еще прибавить, что узкий круг его обязанностей и удовольствий мало-помалу так сильно сузил круг его мыслей, надежд и желаний, что в нем почти угасла жажда славы и подвигов, одушевлявшая его смолоду. Короче говоря, Меченый был самый заурядный, невежественный, грубый, себялюбивый солдат, однако смелый и решительный в исполнении своего дела, но не признававший ничего, кроме разве формального выполнения церковных обрядов, которые порой завершались веселыми попойками с отцом Бонифацием, первым его приятелем и духовником. Не будь Лесли человеком ограниченным, он мог бы далеко пойти по службе, потому что король, знавший лично каждого стрелка своей шотландской стражи, был вполне уверен в его отваге и преданности. Но, несмотря на некоторую долю природной хитрости и проницательности, благодаря которым Меченый до тонкости изучил характер своего государя и ловко умел к нему подлаживаться, он был так недалек, что никак не мог рассчитывать на повышение. Людовик был всегда особенно ласков и милостив к Меченому, но тот по-прежнему оставался только простым рядовым шотландской гвардии.

Хотя Квентин и не успел еще как следует оценить характер своего дяди, но все же был сильно и неприятно поражен равнодушием, с которым тот отнесся к гибели семьи своего зятя; немало удивило его и то, что такому близкому родственнику не пришло даже в голову предложить ему денег, в которых он так сильно нуждался. Если б не великодушие дядюшки Пьера, он был бы вынужден обратиться за помощью к Лесли. Однако он был несправедлив

к своему родственнику, принимая за жадность простой недостаток внимания с его стороны. Меченый не испытывал в ту минуту нужды в деньгах, и ему не пришло в голову, что в них может нуждаться Квентин; иначе он, как добрый родственник, конечно, позаботился бы о своем оставшемся в живых племяннике, как позаботился о спасении душ умершей сестры и зятя. Но каковы бы ни были причины такой невнимательности, Дорварду от этого было не легче, и он не раз пожалел, что не поступил на службу к герцогу Бургундскому, прежде чем успел поссориться с его лесником. «Что бы со мной там ни случилось, – думал Дорвард, – мне оставалось бы хоть утешение, что в случае нужды у меня есть верный друг – дядя. Теперь же, когда я его увидел, у меня нет и этого утешения; какой-то купец, человек совсем мне чужой, отнесся ко мне с большим участием, чем родной брат моей матери, мой земляк, и притом дворянин. Право, можно подумать, что этот удар, обезобразивший его лицо, выпустил из него всю благородную шотландскую кровь».

Дорвард очень жалел, что ему не удалось расспросить своего родственника об этом таинственном дядюшке Пьере; но Меченый засыпал его разными вопросами, а большой колокол Святого Мартина так неожиданно прервал их разговор, что молодой человек не выбрал для этого удобной минуты.

«Тот старик с виду груб и суров, а язык у него острый и злой, но он великодушен и щедр, – думал Дорвард. – Такой человек стоит черствого и равнодушного родственника. „Лучше добрый чужой, чем свой, да чужой“, как говорит наша шотландская пословица. Непременно его разыщу; это будет нетрудно, если только он так богат, как говорит мой хозяин. По крайней мере он посоветует, как мне быть. А если ему, как купцу, приходится странствовать по чужим краям, отчего бы мне и не поступить к нему? У него на службе встретится не меньше приключений, чем на службе у короля Людовика».

В то время как эти мысли пробегали в голове Квентина, какой-то тайный голос, который звучит порой в нашем сердце помимо нашей воли, нашептывал ему сладкую надежду, что... как знать?... быть может, и обительница башенки, незнакомка с лютней и шарфом, присоединится к ним в их интересных странствиях.

В это самое время случившееся с Дорвардом происшествие отодвинуло на задний план все его умопостроения. А произошло вот что: на небольшом пригорке у самого берега быстрого, живописного Шера росло несколько каштанов, образуя отдельную красивую группу. Под деревьями столпилась небольшая кучка крестьян, стоявших неподвижно и пристально глазевших вверх на какой-то предмет, скрытый в ветвях ближайшего к ним каштана. Юность редко умеет рассуждать и обыкновенно так же легко поддается малейшему толчку любопытства, как гладкая поверхность тихого пруда – случайно брошенному в него камешку. Квентин ускорил шаги и, легко взбежав на пригорок, увидел ужасное зрелище: на одном из деревьев в последних предсмертных судорогах раскачивался повешенный.

– От чего вы не перережете веревку? – воскликнул юноша, который был так же скор на помощь ближнему, как и на удар за оскорбление.

Один из крестьян повернул к нему свое бледное как мел, искаженное страхом лицо и молча указал на вырезанный на коре дерева значок, имевший отдаленное сходство с цветком лилии. Ничего не понимая во всем этом и мало заботясь о значении этого символа, Дорвард с легкостью белки взобрался на дерево, вытащил из кармана свой верный «черный нож» – неизбежный спутник каждого горца и охотника – и, крикнув вниз, чтобы кто-нибудь поддерживал тело, в один миг перерезал веревку.

Но его человеколюбивый поступок произвел на зрителей совершенно неожиданное впечатление. Вместо того чтобы помочь ему, крестьяне все разбежались словно по команде, так, будто присутствие их здесь могло быть сочтено за сообщничество и грозило им опасностью. Тело, никем не поддержанное, тяжело рухнуло на землю, и Квентин, быстро спустившийся с дерева, к прискорбию своему, убедился, что в этом человеке угасла последняя

искра жизни. Тем не менее он все же попытался привести его в чувство: сняв петлю с шеи несчастного и расстегнув на нем платье, он брызгал водой ему в лицо и делал все, что обыкновенно делают, когда человек теряет сознание.

Он так углубился в свое занятие, что забыл обо всем на свете. Громкие крики на непонятном для него языке скоро заставили его оглянуться, и не успел он опомниться, как уже был окружен какими-то странными людьми, женщинами и мужчинами, и почувствовал, что кто-то крепко держит его за руки. В тот же миг перед ним сверкнул нож.

– Ах ты, бледнолицый слуга дьявола! – воскликнул один из мужчин на ломаном французском языке. – Убил его и еще хочешь ограбить! Но ты заплатишься за это!

Со всех сторон засверкали ножи, и, оглянувшись, Дорвард увидел, что он окружен свирепыми людьми, уставившимися на него, как волки на добычу.

Однако он не растерялся, и это его спасло.

– Что вы, опомнитесь! – сказал он, указывая на ветви дерева. – Если это ваш друг, так ведь я только что собственными руками перерезал петлю, в которой он висел...

Между тем женщины окружили умершего и старались привести его в чувство теми же средствами, к каким раньше прибегал Дорвард. Убедившись наконец, что все их усилия бесплодны, они, по восточному обычаю, подняли отчаянный крик и принялись в знак печали рвать свои длинные черные волосы; мужчины же раздирали на себе платье и посыпали голову землей. Они так увлеклись этой церемонией оплакивания умершего, что совсем позабыли о Дорварде, в невинности которого их убедила перерезанная веревка. Самым благоразумным для него было бы, конечно, предоставить теперь этим дикарям предаваться на свободе своему горю и поскорей уйти от них, но Дорвард с детства привык презирать опасности, да и молодое любопытство было слишком задето.

У всех этих странных людей, и женщин и мужчин, были на головах тюрбаны и колпаки, напоминавшие скорее его собственный головной убор, чем шапки и шляпы, какие носили в то время во Франции. Все они были черны лицом, как африканцы. У многих мужчин были курчавые черные бороды. У двух-трех – по-видимому, старших в роду – развевались яркие красные, желтые и зеленые шарфы, а в ушах и на шее блестели серебряные украшения; и все они были очень грязны и оборваны. Дорвард не заметил на них другого оружия, кроме ножей, которыми они недавно ему угрожали, и только один юноша был вооружен короткой кривой мавританской саблей, за рукоятку которой он беспрестанно хватался, бормоча невнятные угрозы.

Весь этот беспорядочно столпившийся и предававшийся горю народ так мало походил на людей, которых Дорварду случалось видеть до сих пор, что он готов был принять их за «неверных собак», «проклятых сарацин», о которых он слышал и читал в романах как о заклятых врагах каждого благородного рыцаря и каждого христианского государя. Он собирался уже убраться подобру-поздорову подальше от этого опасного соседства, как вдруг послышался конский топот, и на людей, принятых им за сарацин, взваливших тем временем на плечи тело своего товарища, налетел отряд французских солдат.

Это неожиданное появление мигом изменило всю картину: заунывные вопли перешли в дикие крики ужаса. Мгновенно мертвое тело оказалось на земле, а толпа бросилась враспынную, со змеиной ловкостью и проворством ускользая под брюхом лошадей от направленных на нее копий.

– Бей проклятых язычников!.. Хватай, коли, руби! Дави их, как собак! – раздавались яростные крики.

Но беглецы скрылись так быстро, что всадникам удалось свалить с ног и взять в плен только двоих. Один из пойманных был юноша с кривой саблей; он сдался только после отчаянного сопротивления. Квентина, на которого, казалось, в последнее время ополчилась сама судьба, тоже схватили и, несмотря на его горячий протест, тут же крепко связали, причем

солдаты выказали такую ловкость и проворство, которые ясно доказывали, что подобные расправы были им не в новинку.

Квентин с беспокойством взглянул на командира отряда, в котором, не зная, радоваться ему или нет, узнал угрюмого и молчаливого товарища дядюшки Пьера. Конечно, в каких бы преступлениях ни обвиняли этих людей, он не мог не знать из утреннего приключения, что Дорвард не имеет с ними ничего общего; однако трудно было сказать, захочет ли этот зловещий человек быть для него справедливым судьей и беспристрастным свидетелем, и Дорвард не был уверен, что он улучшит свое положение, если обратится к нему за помощью.

Впрочем, ему не дали долго раздумывать.

– Эй, Птит-Андре и Труазешель, – сказал этот мрачный, обращаясь к двум своим подчиненным, – покажите-ка этим нехристям, этим колдунам и разбойникам, что значит мешать правосудию короля, когда оно наказывает кого-нибудь из их проклятого племени! Долой с коней, ребята, да живо за дело!

В одну минуту Труазешель и Птит-Андре спешили, и Квентин заметил, что у каждого из них висело на седле по большой связке аккуратно смотанных веревок. Они их проворно размотали, и на каждой оказалась готовая петля. Кровь застыла в жилах Дорварда, когда он увидел, что они приготовили три петли. Видно, одна из них предназначалась для него. Тут он громко окликнул начальника отряда, напомнил ему об их утренней встрече, о правах свободного шотландца в дружественной союзной стране и стал уверять, что не имеет ничего общего с этими людьми и даже не знает, в каких преступлениях их обвиняют.

Но тот, к кому он взывал, едва удостоил его взглядом и, не обращая ни малейшего внимания на его слова, повернулся к кучке крестьян, сбежавшихся опять из любопытства, и строго спросил их, был ли этот молодец с теми бродягами.

– Как же, был, не во гнев будь сказано вашей милости. Он-то и перерезал веревку, на которой по приказанию его величества вздернули того бездельника... И поделом ему, ваша милость! – поспешил ответить один из крестьян.

– А я готов поклясться Господом Богом и святым Мартином Турским, что видел этого молодца, когда их шайка грабила нашу ферму, – добавил другой.

– С меня довольно и того, что он осмелился идти против воли короля и пытался спасти приговоренного к смерти изменника, – сказал начальник отряда. – Эй, Труазешель, и ты, Птит-Андре, живо за дело!

– Выслушайте меня, господин начальник! – в смертельном страхе воскликнул юноша. – Не дайте умереть невинному! Мои соотечественники этого так не оставят, они вам отомстят за мою смерть в этой жизни, а в будущей вы дадите ответ самому Богу за напрасно пролитую кровь!

– Я готов отвечать за свои поступки и в этой жизни, и в будущей, – холодно ответил прево и левой рукой сделал знак своим подчиненным; в то же время он со злобной, торжествующей улыбкой дотронулся указательным пальцем до своей правой руки, которая была у него на перевязи вследствие удара палкой, полученного утром от Дорварда.

– Подлец! Ты мстишь, негодяй! – вне себя воскликнул Дорвард; теперь он понял, что жажда мести была единственной причиной жестокого к нему отношения и что нечего ждать пощады.

– Бедняга бредит со страха, – сказал начальник отряда. – Скажи-ка ему напутственное слово, Труазешель, прежде чем спроводишь его на тот свет: ты хорошо справляешься с этим, когда под рукой нет духовника. Дай ему минуту на благочестивые размышления, но чтобы через минуту все было кончено, слышишь? Я должен продолжать объезд. За мной, ребята!

Великий прево уехал в сопровождении своего отряда, оставив в помощь палачам только двух-трех солдат. Несчастный юноша с отчаянием смотрел вслед отъезжающим, и, когда топот копыт затих, постепенно замирая вдали, в душе его угас последний луч надежды.

В смертельном страхе он оглянулся вокруг и, несмотря на весь ужас этой минуты, был поражен стоическим хладнокровием своих товарищей по несчастью. Сначала они были охвачены страхом и изо всех сил старались вырваться, но, когда их связали и они убедились, что смерть неизбежна, они стали ждать ее с невозмутимым спокойствием. Сейчас они напоминали пойманных лисиц, которые, пытаясь спастись, истощили весь запас своей хитрости и гордо умирают в мрачном молчании.

Они не дрогнули даже тогда, когда палачи приступили к делу и, надо заметить, приступили с гораздо большей поспешностью, чем приказал их начальник; это, впрочем, можно было объяснить привычкой, благодаря которой они стали находить даже удовольствие в исполнении своих ужасных обязанностей.

Здесь мы остановимся на минуту, чтобы набросать портреты этих людей, так как во время всякой тирании личность палача всегда получает важное значение.

Труазешель был высок ростом и сухощав; он отличался степенностью и выражением какой-то особенной важности в лице. Птит-Андре, напротив, был маленький, кругленький человечек, жизнерадостный и подвижный, исполнявший свои обязанности как самое веселое дело в мире. Казалось, он питал особенную, нежную привязанность к своим жертвам и обращался к ним не иначе, как с самыми приветливыми и ласковыми словами. Он называл их то «друг любезный», то «голубушка», то «старый приятель», то «папаша», в зависимости от их пола и возраста. В то время как Труазешель старался внушить несчастным осужденным философский и религиозный взгляд на ожидавшую их участь, Птит-Андре пытался пустить в ход веселую шутку, чтоб облегчить их переход в лучший мир, и убеждал их, что земная жизнь – вещь низкая, презренная и ничего не стоящая.

Не могу объяснить, как и почему, но эти две красочные фигуры, несмотря на все разнообразие своих талантов, столь редких в людях их профессии, внушали всем такую безграничную ненависть, какой ни до, ни после них, наверно, не внушал никто из их братии.

Нечего и говорить, что Квентина Дорварда в ту страшную минуту занимали другие соображения. Жизнь и смерть, время и вечность – вот что носилось перед его умственным взором; его слабая человеческая природа изнемогала перед этой ужасной перспективой, а возмущенная гордость восставала против этой слабости. Он обратился мысленно к Богу своих отцов, и в памяти его в ту же минуту всплыла старая, полуразрушенная часовня, где покоился прах всех его близких и где не было только его останков. «Заклятые наши враги дали им по крайней мере могилу в родной земле, а я, словно отверженец, достанусь в добычу воронам на чужбине!» Слезы невольно брызнули из его глаз. Труазешель легонько тронул его за плечо и торжественно одобрил его покорность судьбе.

Птит-Андре дотронулся до другого его плеча и сказал:

– Мужайся, сынок! Коли довелось поплясать – делать нечего, надо плясать веселей. Кстати, и скрипка настроена, – добавил он, помахивая веревкой, чтобы придать больше соли своей остроте.

Юноша взглянул помутившимся взором сперва на одного, потом на другого. Видя, что он их плохо понимает, приятели стали легонько подталкивать его к роковому дереву, уговаривая не падать духом, потому что все будет кончено в один миг.

В эту ужасную минуту несчастный еще раз растерянно огляделся вокруг и сказал:

– Если здесь есть хоть одна добрая христианская душа, пусть передаст Людовику Лесли, стрелку шотландской гвардии, что его племянника подло убили!

Эти слова были сказаны как нельзя более вовремя, потому что в эту минуту, привлеченный приготовлениями к казни, сюда подошел вместе с другими случайными прохожими один из стрелков шотландской гвардии.

– Эй, вы, – крикнул он палачам, – если этот юноша – шотландец, я не допущу, чтобы он был повешен!

– Сохрани бог, господин рыцарь. Но мы должны выполнить приказ, – ответил Труазешель и потащил Дорварда за руку.

– Чем комедия короче, тем она лучше, – добавил Птит-Андре и подхватил его с другой стороны.

Но Квентин, услышав слова, окрылившие его надеждой, изо всех сил рванулся из рук исполнителей закона и в один миг очутился возле шотландского стрелка.

– Спаси меня, земляк! – протягивая к нему связанные руки, воскликнул он на своем родном языке. – Именем Шотландии и святого Андрея молю тебя, заступись за меня! Я ни в чем не повинен! Ради спасения твоей души помоги мне!

– Именем святого Андрея клянусь, что им удастся схватить тебя, только переступив через мой труп! – сказал стрелок, обнажая меч.

– Перережь веревки, земляк, – воскликнул Дорвард, – и я сам еще постою за себя!

Один взмах меча – и пленник очутился на свободе. Неожиданно бросившись на одного из солдат, оставленных в помощь палачам их начальником, он выхватил из его рук алебарду и крикнул:

– Теперь подходите, если посмеете!

Палачи начали перешептываться.

– Скачи скорее за господином прево, – сказал Труазешель, – а я постараюсь их здесь задержать... Эй, стража, к оружию!

Птит-Андре вскочил на лошадь и ускакал, а стража так заспешила исполнить приказание Труазешеля, что в суматохе упустила и двух оставшихся пленников. Возможно, что солдаты не очень-то старались их удержать, потому что были уже пресыщены кровью своих несчастных жертв: иной раз даже дикие, кровожадные звери пресыщаются убийствами. Однако в свое оправдание они стали уверять, что поспешили на помощь к Труазешелю, полагая, что жизни его грозит опасность. Надо сказать, что между шотландскими стрелками и стражей прево давно существовала вражда, которая часто приводила к открытым ссорам и стычкам.

– Нас здесь довольно, чтобы наголову разбить этих гордых шотландцев, если вам угодно, – сказал один из солдат Труазешелю.

Но осмотрительный исполнитель закона остановил его знаком и, обратившись к шотландскому стрелку, вежливо сказал:

– Знаете ли вы, сударь, что вы наносите величайшее оскорбление господину прево, вмешиваясь в дело, порученное ему королем, и нарушая ход королевского правосудия? Я уж не говорю о несправедливости по отношению ко мне, в руки которого преступник отдан самим законом. Но и молодому человеку вы едва ли оказываете большую услугу, ибо из пятидесяти случаев быть повешенным, которые ему, вероятно, еще предстоят в жизни, он вряд ли хоть раз будет так хорошо подготовлен к смерти, как это было за минуту до вашего необдуманного вмешательства.

– Если мой соотечественник разделяет это мнение, я готов сейчас же, не говоря ни слова, отдать его вам, – ответил с улыбкой стрелок. – Но скажите мне наконец, в чем провинился этот юноша?

– Он осмелился... вынуть из петли тело преступника, несмотря на то, что я собственноручно вырезал лилию на том дереве, где он висел!

– Правда ли это, молодой человек? – строго спросил Дорварда стрелок. – И как ты мог решиться на такое преступление?

– В ваших руках теперь мое спасение, – воскликнул Дорвард, – и я, как на духу, скажу вам сущую правду! Я увидел на дереве человека в предсмертных судорогах и из простого чувства сострадания перерезал веревку. В ту минуту я не думал ни о лилиях, ни о левкоях и так же мало собирался оскорбить французского короля, как и самого святейшего папу.

– А за каким чертом тебе понадобилось трогать мертвое тело? – спросил стрелок. – Куда ни ступит этот благородный рыцарь прево, он всюду оставляет повешенных на своем пути: они здесь висят на каждом дереве, словно гроздь в винограднике, и у тебя будет много дела, если ты вздумаешь подбирать за ним его жатву. Но прислушайтесь, по-моему к нам торопится кое-кто из моих товарищей.

Действительно, в то время как Тристан Отшельник, оповещенный палачом, въезжал со своим отрядом на пригорок с одной стороны, с другой подскакали галопом пять шотландских стрелков во главе с самим Людовиком Меченым.

На этот раз Лесли далеко не выказал того равнодушия к своему племяннику, в каком еще так недавно обвинял его Дорвард. Едва он увидел своего товарища и племянника в оборонительном положении, он крикнул:

– Спасибо тебе, Каннингем!.. Джентльмены, товарищи, на помощь! Этот юноша – шотландский дворянин и мой племянник... Линдсей, Гатри, Тайри, мечи наголо, марш вперед!

Между противниками уже готова была завязаться ожесточенная стычка, и, несмотря на сравнительную малочисленность стрелков, неизвестно, на чьей стороне остался бы перевес, так как шотландцы были прекрасно вооружены. Но тут великий прево – то ли потому, что он сомневался в исходе схватки, то ли потому, что боялся рассердить короля, – сделал знак своим солдатам, чтобы они не двигались, и, обратившись к Меченому, стоявшему во главе своего небольшого отряда, спросил, на каком основании он, стрелок королевской гвардии, противится приведению в исполнение приговора.

– Ваше обвинение – чистейшая ложь, клянусь святым Мартином! – воскликнул взбешенный Лесли. – Разве казнь преступника и убийство моего племянника имеют что-нибудь общее?

– Ваш племянник может быть таким же преступником, как и всякий другой, – ответил прево, – и каждого иностранца судят во Франции по французским законам.

– Да, но ведь нам, шотландским стрелкам, даны привилегии, – возразил Меченый. – Правда, товарищи?

– Правда, правда! – раздались крики. – Нам даны привилегии! Да здравствует король Людовик! Да здравствует храбрый Лесли! Да здравствует шотландская гвардия! Смерть тому, кто посягнет на наши привилегии!

– Образумьтесь, господа, – сказал прево. – Не забывайте о моих полномочиях!

– Не ваше дело нас учить! – воскликнул Каннингем. – Судить нас может только король да еще наш капитан, пока великий коннетабль в отсутствии.

– А вешать нас может только старый Сэнди Уилсон – собственный палач шотландских стрелков, – добавил Линдсей. – И дать это право другому значило бы кровно оскорбить Сэнди, честнейшего из всех палачей, когда-либо затягивавших петлю на шее у висельника.

– По крайней мере, если бы меня должны были повесить, я никому другому не позволил бы надеть себе петлю на шею, – заключил Лесли.

– Да послушайте вы наконец! Этот молодчик не состоит в стрелках и не имеет права пользоваться вашими привилегиями, как вы их называете, – сказал прево.

– То, что мы называем нашими привилегиями, все должны признавать за нами! – воскликнул Каннингем.

– Мы не допустим тут никаких споров! – закричали, как один человек, все стрелки.

– Вы, кажется, рехнулись, господа, – сказал Тристан Отшельник. – Никто и не думает оспаривать ваших привилегий. Но ведь этот молодчик совсем не стрелок...

– Он мой племянник! – сказал Меченый с торжествующим видом.

– Но не стрелок гвардии, полагаю! – отрезал Тристан.

Стрелки в смущении переглянулись.

– Не сдавайся! – шепнул Каннингем Меченому. – Скажи, что ты его завербовал.

– Клянусь святым Мартином, добрый совет! Спасибо, земляк, – ответил Лесли тоже шепотом и, возвысив голос, поклялся, что не дальше как сегодня он зачислил племянника в свою свиту.

Это заявление дало делу решительный оборот.

– Хорошо, господа, – сказал Тристан Отшельник, знавший, с какой болезненной тревогой относился Людовик к малейшему неудовольствию в рядах его гвардии. – Вы говорите, что хорошо знаете ваши так называемые привилегии, и мой долг велит мне избегать лишних ссор с королевской гвардией. Но все-таки я доложу его величеству обо всем. И позвольте вам заметить, что, поступая таким образом, я действую снисходительнее, чем, может быть, допускает мой долг.

Сказав это, прево усакал в сопровождении своего отряда, а стрелки остались на месте, чтобы наскоро обсудить, что им делать дальше.

– Прежде всего мы должны доложить обо всем нашему командиру лорду Кроуфорду и сейчас же внести молодца в наши списки.

– Но послушайте, господа, мои достойные друзья и защитники, – сказал Квентин нерешительно, – ведь я еще не решил, поступать мне в королевскую гвардию или нет.

– В таком случае, братец, решай уж заодно – быть тебе повешенным или нет, – сердито сказал его дядя, – потому что я решительно не вижу другого средства спасти тебя от виселицы!

Против такого довода возражать было нечего, и Квентину оставалось только принять предложение, которое во всякое другое время было бы ему не совсем по сердцу. Но он еще так недавно в буквальном смысле этого слова выскользнул из петли, которую уже чувствовал на своей шее, что готов был примириться и с более плачевной участью, чем та, которую ему предлагали.

– Он должен сейчас же ехать к нам в казармы, – сказал Каннингем, – только там он будет в безопасности, пока здесь рыщут эти ищейки.

– Не могу ли я, дядюшка, хоть сегодня переночевать в гостинице, где я остановился? – спросил юноша, которому, как и всякому новобранцу, хотелось выиграть хоть одну, последнюю ночь свободы.

– Отчего бы и нет, племянник, – ответил насмешливо Людовик Лесли, – особенно если ты хочешь доставить нам удовольствие выловить тебя завтра где-нибудь в канаве, в пруду или в одном из притоков Луары зашитым в мешок, чтоб тебе удобнее было плавать. А дело, наверно, тем и кончится... Недаром прево улыбался, когда уезжал от нас...

– Руки коротки! – сказал Каннингем. – Для его сетей мы слишком крупная дичь. Однако я все-таки советовал бы тебе сегодня же переговорить с этим чертом Оливье, который всегда был нам другом. Да, кстати, он раньше прево увидится с королем, потому что утром он его бреет.

– Так-то так, – сказал Меченый, – только к Оливье нечего и соваться с пустыми руками, а я, как на грех, гол, что твоя береза в декабре месяце.

– Как и все мы, – сказал Каннингем. – Но неужто Оливье не поверит нам хоть раз на честное слово? За это мы могли бы посулить, что сделаем ему в складчину подарок при первой же раздаче жалованья. И поверьте, что, если он будет заинтересован в этом деле, наше жалованье не заставит себя долго ждать.

– Ну, а теперь в замок! – сказал Меченый. – Мой племянник расскажет нам дорогой, как его угораздило навязать себе на шею прево, чтобы мы знали, что надо говорить Кроуфорду и Оливье.

Глава 7

Стрелок королевской гвардии

Одному из слуг велено было спешиться и передать свою лошадь Квентину Дорварду, который вместе со своими воинственными соотечественниками двинулся крупной рысью по направлению к замку Плесси.

Дорогой, в ответ на расспросы дяди, Квентин подробно рассказал свое утреннее приключение, которое послужило причиной чуть было не постигшей его страшной беды, и, хотя сам он не видел в нем ничего смешного, рассказ его был встречен взрывом дружного хохота.

– А все-таки дело дрянь, – сказал дядя. – Ну на кой черт понадобилось этому безмозглому мальчишке возиться с мертвецом, да еще и с язычником!

– Разумеется. Если б еще он поссорился с людьми прево из-за смазливой бабенки, как случилось с Майклом Моффэтом, в этом был бы хоть какой-нибудь смысл, – сказал Каннингем.

– А по-моему, здесь дело касается нашей чести, – сказал Линдсей. – Черт бы побрал этого негодяя Тристана с его молодчиками! Как они смеют путать наши шотландские шапки с тюрбанами каких-то бродяг и грабителей! Это просто оскорбление.

– Дядя, могу я вас спросить, что это за люди, о которых вы сейчас говорите? – осведомился Квентин.

– Разумеется можешь, племянник, – ответил дядя, – только я не знаю, кто ответит тебе на этот вопрос. По крайней мере, я не могу, хоть и знаю о них не меньше других. Они появились здесь... пожалуй, года два тому назад и налетели как саранча.

– Верно, – сказал Линдсей, – и наш простофиля Жак (так мы называем мужиков, молодой человек, да и ты скоро научишься выражаться по-нашему)... Жак-простофиля мало заботится о том, каким ветром принесло эту саранчу, лишь бы знать, что он ее опять унесет.

– Они делают так много зла? – спросил юноша.

– Вот вопрос! – сказал Каннингем. – Да ведь они язычники, мальчуган! Не то сарацины, не то магометане... Они не признают ни Божьей Матери, ни святых (здесь он перекрестился), воруют все, что под руку попадет, и вдобавок колдуют и гадают.

– А водятся ли эти бродяги где-нибудь еще, кроме Франции? – спросил Линдсей.

– Еще бы! В Германии, Испании и Англии они бродят целыми ордами, – ответил Меченый. – Только одна Шотландия, благодарение святому Андрею, еще свободна от них.

– Шотландия слишком холодна для саранчи и слишком бедна для воров, – сказал Каннингем.

– А еще наши горцы не терпят других воров, кроме своих собственных, – заметил Гатри.

– Эй, ты, – сказал Меченый, – не забывай, что я сам уроженец горного Ангуса и что почти все горцы Глена – мои благородные родственники! Я не потерплю, чтобы горцев поносили в моем присутствии!

– Но не будешь же ты отрицать, что они воруют скот? – сказал Гатри.

– Угнать стадо овец – еще не значит быть воров, – возразил Меченый. – Я готов утверждать это где угодно.

– Стыдитесь, друзья! – сказал Каннингем. – Кто ссорится теперь? Подумайте, какой это дурной пример для молодого человека... Но вот и замок. Я закажу бочонок вина, и, чтобы скрепить нашу дружбу, мы выпьем за Шотландию, и горную и равнинную, если вы согласны быть сегодня моими гостями.

– Согласны, согласны! – закричал Меченый. – А я поставлю другой бочонок, чтобы sprysnut' вступление моего племянника в нашу дружину.

Когда они подъехали к замку, решетка была немедленно поднята, мост спущен, и стрелки по одному въехали в ворота. Но, когда настала очередь Квентина, часовые скрестили перед ним копья и приказали остановиться. Людовик Меченый, нарочно оставшийся подле племянника, дал необходимые объяснения, и после недолгих переговоров Дорварда пропустили и повели под сильным конвоем в помещение лорда Кроуфорда.

Этот шотландский дворянин был одним из последних уцелевших обломков доблестной дружины шотландских лордов и рыцарей, долго и верно служивших Карлу VI в его кровавых войнах, утвердивших независимость французской короны и изгнавших англичан из пределов Франции. Перемены, происшедшие с тех пор в Шотландии, а может быть, и долгая привычка к французской жизни заставили старого лорда окончательно оставить мысль о возвращении на родину, тем более что, занимая высокое место при дворе Людовика, он благодаря своему открытому, честному характеру приобрел огромное влияние на короля, который, хотя вообще и мало верил в человеческую добродетель и честь, питал неограниченное доверие к лорду Кроуфорду и охотно подчинялся его влиянию, ибо тот никогда не вмешивался ни в какие дела, кроме тех, которые входили в его прямые обязанности.

Лорд Кроуфорд был высокий, бодрый, худощавый старик, сохранивший еще всю свою силу и гибкость молодости; он так же легко мог вынести любой поход и тяжесть оружия, как самый молодой из его солдат. В ту минуту его высокая прямая фигура была укутана в просторный халат, подпоясанный ремнем, на котором висел кинжал в богатой оправе; на шее у него красовалась лента с орденом Святого Михаила.

При входе неожиданных посетителей лорд Кроуфорд с видимой досадой отложил в сторону рукопись и спросил на своем родном языке:

– За каким чертом я опять понадобился?

На это Меченый чуть ли не с большим почтением, чем он выказал бы самому Людовику, подробно объяснил ему затруднительное положение своего племянника, заключив рассказ просьбой о заступничестве. Лорд Кроуфорд внимательно его выслушал. Он добродушно улыбнулся наивности юноши, бросившегося на помощь повешенному, и озабоченно покачал головой, когда узнал о стычке шотландских стрелков со стражей прево.

– Долго ли еще вы будете являться ко мне с такими историями и заставлять меня расхлебывать вашу кашу? – спросил он. – Сколько раз мне повторять – в особенности тебе, Людовик Лесли, и тебе, Арчи Каннингем, – что солдат на чужой стороне должен вести себя скромно и прилично, если не хочет переполошить собак со всех дворов? Впрочем, на этот раз я даже не стану бранить тебя, Людовик, ибо с твоей стороны было вполне естественно вступить за юного родственника. Мы не дадим молодца в обиду! Подайте-ка мне наши списки... вон с той полки... мы сейчас же впишем его имя, чтобы он мог пользоваться нашими привилегиями.

– Позвольте вам сказать, ваша милость... – начал было Дорвард.

– Да ты с ума спятил, братец! – перебил его дядя. – Как ты смеешь первый заговаривать с его милостью?

– Не горячись, Людовик, – сказал лорд Кроуфорд. – Послушаем, что он нам скажет.

– Всего два слова, не в обиду будь сказано вашей милости, – ответил Квентин. – Я уже говорил дяде, что сомневаюсь, поступать ли мне в здешнюю гвардию. Теперь я хотел только сказать, что, после того как я увидел, под чьей командой мне придется служить, я оставил все свои сомнения: я твердо решил стать в ряды шотландских стрелков короля Людовика. Ибо командуете ими вы, ваша милость.

– Хорошо сказано, дружок, – ответил старый лорд, не совсем равнодушный к комплиментам. – Правда твоя: опыт у меня есть, и, слава богу, я, кажется, могу, не хвастаясь, ска-

зять, что умел им пользоваться и как подчиненный, и как начальник... Ну вот, Квентин, ты и внесен в списки почетной дружины шотландской королевской гвардии. Ты назначен оруженосцем к твоему дяде, теперь он твой прямой командир. Надеюсь, ты будешь вести себя хорошо... Из тебя должен выйти славный солдат, если верить твоей наружности, притом ты хорошего рода... А ты, Людовик, пригляди, чтобы твой племянник поусерднее занялся военными упражнениями, на днях нам, может быть, придется скрестить копья с врагом.

– Клянусь мечом, славная весть, милорд! Долгий мир может всех нас сделать трусами. Я и сам чувствую, что совсем раскис в этой проклятой клетке на башне!

– Ну уж, так и быть, слушай, что птичка недавно пропела мне на ухо: «Скоро в поле затрепещет наше знамя боевое».

– За эту песенку я нынче же выпью лишнюю чарку, милорд, – сказал Меченый.

– Кажется, ты не прочь выпить лишнюю чарку и без всякой песенки, братец, – заметил на это лорд Кроуфорд. – Берегись, Людовик: боюсь я, как бы тебе не пришлось когда-нибудь испить чашу!

Несколько смущенный этим замечанием, Лесли ответил, что вот уже несколько дней, как он не притрагивался к вину, но что его милости известен обычай дружины спрыскивать вступление нового товарища в ее ряды.

– Правда твоя, я об этом совсем позабыл, – сказал старый лорд. – Я сам пришлю вам несколько фляжек вина на подмогу. Может быть, я и сам к вам зайду посмотреть, все ли у вас в порядке.

– Милорд для нас всегда желанный гость, – ответил Лесли.

И вся компания вышла в самом веселом настроении и принялась за приготовления к предстоящей пирушке.

Солдатские застолья незатейливы: было бы вдоволь выпивки да закуски, и больше ничего не нужно; но на этот раз Лесли позаботился раздобыть вина получше, пояснив товарищам, что старик – тоже не дурак выпить, хоть и любит проповедовать воздержание; сам он, говорят, здорово отличается за королевским столом да и ввечеру никогда не упустит случая побеседовать с бутылочкой. «Так вы, братцы, готовьтесь нынче слушать старые рассказы про прежние битвы».

Готический зал, служивший столовой шотландским стрелкам, был наскоро приведен в порядок; разослали слуг за зеленым камышом, чтобы устлать пол, а стены и стол убрали старыми шотландскими флагами, видевшими немало битв, и знаменами, отбитыми у неприятеля.

Следующей заботой было достать для молодого рекрута необходимую форму и вооружение, чтобы он мог явиться на пир в приличном виде, настоящим шотландским стрелком, достойным пользоваться дарованными его дружине привилегиями, благодаря которым теперь, с помощью своих товарищей, он мог открыто презирать могущество и злобу всемогущего и неумолимого прево.

Пир удался на славу; гости веселились от души; к обычному оживлению присоединилась еще радость свидания с земляком, так недавно покинувшим далекую любимую родину. Стрелки распевали старые шотландские песни, рассказывали старинные предания о шотландских героях, о подвигах отцов и дедов и вспоминали места, где они были совершены, – словом, на время богатые туреньские равнины превратились для наших стрелков в их родную Каледонию.

Когда веселье было в полном разгаре и каждый старался вставить словечко, вспоминая далекую милую Шотландию, явился наконец и лорд Кроуфорд, который, как предсказывал Меченый, сидел словно на иголках за столом короля и воспользовался первым предлогом, чтобы присоединиться к своим соотечественникам. Появление старого воина еще подогрело общее веселье. На верхнем конце стола для него заранее приготовили почетное место, так

как обычаи того времени, да и самый состав шотландской дружины, все члены которой были дворянами, вполне позволяли ее начальнику, несмотря на его высокое положение (выше его стояли лишь король и великий коннетабль), не только садиться за один стол со своими подчиненными, но и пировать с ними, нисколько не роняя своего достоинства.

Однако на этот раз лорд Кроуфорд отказался занять приготовленное для него место и, попросив собравшихся веселиться и не обращать на него внимания, отошел в сторонку и, по-видимому, с большим удовольствием стал смотреть на пирующих. Наконец он будто вдруг вспомнил, что нельзя же не выпить за здоровье нового товарища, вступающего в их ряды, и предложил тост за Дорварда, встреченный, само собою разумеется, дружными и веселыми криками. Затем старый воин сообщил товарищам, что он уладил дело с Оливье.

— А так как брадобрей, как вам известно, не очень-то долголюбивает живодера, — прибавил он, — то он охотно помог мне добиться от короля предписания, чтобы прево прекратил всякие преследования Квентина Дорварда и всегда уважал привилегии, дарованные шотландской гвардии королем.

Эти слова были встречены новыми оглушительными криками восторга. Кубки были наполнены до краев, и все выпили за здоровье лорда Кроуфорда, благородного защитника прав и привилегий своих соотечественников. Разумеется, почтенный лорд не мог не ответить на учтивость такой же учтивостью, после чего, рассеянно опустившись в кресло, он подозвал к себе Квентина и засыпал его вопросами о Шотландии и о знатных шотландских семьях — вопросами, на которые Квентин часто не знал, что и отвечать. В то же время старик продолжал прикладываться к кубку, вставляя изредка замечания насчет того, что шотландский джентльмен должен быть общительным и не чуждаться веселой компании; однако молодым людям вроде Квентина следует в этом отношении соблюдать большую осторожность, чтобы не впасть в излишество. Старый лорд наговорил по этому поводу кучу прекрасных вещей и говорил так долго, что под конец его язык, усердно прославлявший воздержание, стал заметно тяжелесть и заплетаться. Между тем с каждой новой распитой флягой воинственный пыл веселой компании все возрастал, и наконец Каннингем предложил тост во славу Орифламмы — французского королевского знамени.

— И за ветер из Бургундии, чтобы его развернуть! — подхватил Линдсей.

— От всей души, уцелевшей в этом изношенном теле, принимаю ваш тост, дети мои, — тотчас откликнулся лорд Кроуфорд, — и, несмотря на свою старость, надеюсь еще увидеть, как развернется это знамя! Да что там! Слушайте, друзья, — добавил старик (вино сделало его болтливым), — все вы верные слуги французского короля, и я не вижу, почему бы мне не сказать вам, что сюда приехал посол от герцога Карла Бургундского с поручением далеко не миролюбивого свойства.

— То-то, проходя мимо тутовой рощи, я видел там карету, лошадей и свиту графа де Кревкера, — заметил один из гостей. — Говорят, король отказался принять его в своем замке.

— Но в чем дело? Что послужило причиной неудовольствия герцога? — спросил Гатри.

— Во-первых, столкновения на границе, — ответил лорд Кроуфорд, — но главное, то, что король недавно принял под свое покровительство одну знатную даму, подданную герцога, молодую графиню, бежавшую из Дижона, потому что герцог, ее опекун, хотел выдать ее замуж за своего любимца Кампо-Бассо.

— Она приехала сюда одна, милорд? — спросил Линдсей.

— Нет, с какой-то старухой родственницей, тоже графиней, которая согласилась ее сопровождать.

— Только захочет ли король вмешиваться в ссору между этой графиней и герцогом, — заметил Каннингем.

– Король, по обыкновению, поступит так, как ему будет выгоднее, – сказал Кроуфорд. – То, что он принял дам неофициально, доказывает, что он намерен действовать в зависимости от обстоятельств.

– Но герцог Бургундский не признает такой двуличной политики, – сказал Каннингем.

– Разумеется, – отвечал Кроуфорд, – оттого-то и трудно рассчитывать, чтобы переговоры окончились мирно.

– Да поможет им святой Андрей хорошенько подраться из-за юбки! – воскликнул Меченый.

– Довольно, довольно, друзья, – сказал лорд Кроуфорд. – Не играйте острым оружием: насмешка – не шутка. Давайте лучше выпьем за ее здоровье, потому что она, говорят, изумительно как хороша.

– Должно быть, ее-то я и видел сегодня, когда ее вместе с какой-то другой дамой внесли в замок в крытых носилках.

– Стыдно, стыдно, Арно! – сказал лорд Кроуфорд. – Солдат никогда не должен рассказывать того, что он видел, стоя на часах... И кроме того, отчего ты думаешь, что это была именно графиня Изабелла де Круа?

– Я ничего не думаю, милорд, я знаю только, что мой конюх Стид, прогуливая лошадей по дороге к деревне, встретил Догина, погонщика мулов, который возвращался из замка, чтобы отдать носилки хозяину гостиницы – той, знаете, с лилиями на вывеске... Вот Догин и предложил Сондерсу Стиду распить с ним бутылочку, и, разумеется, тот охотно согласился...

– Ну еще бы, как не согласиться! – перебил рассказчика старый лорд. – Я давно собирався сказать вам, друзья, что пора изменить ваши порядки. Все эти ваши конюхи да телохранители готовы пить со всяким встречным. Плохой обычай, но... что же сказал погонщик твоему конюху?

– Не в обиду будь сказано вашей милости, – продолжал Арно, – он сказал ему по секрету, что две дамы, которых они с товарищем только что отнесли в замок в крытых носилках, очень знатные леди. Они уже несколько дней скрываются в той гостинице, и сам король не раз тайно посещал их и оказывал им высокие почести. А теперь они скрылись в замке – должно быть, из боязни встретиться с графом де Кревкером, послом герцога Бургундского, приезд которого был заранее возвещен прискакавшим гонцом.

– Так вот оно что! – заметил Гатри. – Ну, теперь я готов поклясться, что слышал, как пела графиня! Сегодня, когда я шел через внутренний двор, я слышал пение и звуки лютни из Дофиновой башни. Ничего подобного я еще не слыхивал в нашем замке...

Между тем пирушка шла к своему окончанию, но ни одно слово из того, что говорилось за столом о прекрасной графине Изабелле, не ускользнуло от молодого Дорварда, и, когда его привели в его крошечную комнатку, он весь отдался сладким мечтам. Что, если и обитательница башенки, прелестная певица, голосом которой он так восхищался, и служанка, прислуживавшая утром дядюшке Пьеру, и богатая, знатная графиня, спасающаяся бегством от жестокого опекуна, – что, если все это одно и то же лицо?

Грезы нашего героя не раз заслонялись таинственным образом дядюшки Пьера, имевшего, по-видимому, власть даже над тем страшным, могущественным человеком, из рук которого Квентину с таким трудом удалось сегодня вырваться. Наконец мечты юноши были прерваны появлением дяди. Лесли посоветовал племяннику поскорее ложиться в постель, чтобы завтра встать пораньше, так как ему предстоит сопровождать дядю в приемную короля, куда он назначен на караул вместе с пятью товарищами.

Глава 8

Посол

Если бы лень была способна задержать Дорварда в постели, то шум, поднявшийся в казарме стрелков с первым ударом колокола к заутрене, без сомнения, не замедлил бы прогнать от него это искушение. Но дисциплина отцовского замка и монастыря в Абербротике приучила его подниматься с зарей. Он вскочил с постели и стал проворно одеваться под веселые звуки рожков и громкий лязг оружия, возвещавший смену часовых. Одни из них возвращались в казарму с ночных караулов; другие отправлялись на утреннюю смену; третьи, наконец, и в их числе дядя Квентина, готовились нести службу при особе короля. С восторгом, вполне естественным в его годы, Квентин надел свою новую нарядную форму и блестящее вооружение, а дядя, внимательно и с большим интересом наблюдавший за процедурой его облачения, чтоб удостовериться, что все у него в порядке, не мог скрыть своего удовольствия при виде выгодной перемены в наружности своего племянника.

– Если твоя храбрость и верность окажутся под стать твоей внешности, у меня будет самый красивый и самый доблестный оруженосец во всей нашей гвардии, что, конечно, делает честь семье твоей матери. Иди за мной и не отставай ни на шаг!

С этими словами Лесли взял огромный, тяжелый, роскошно разукрашенный бердыш и, вручив племяннику такое же оружие, только несколько меньших размеров, спустился с ним во внутренний двор замка, где его товарищи, назначенные вместе с ним нести караул в покоях короля, уже ждали его, выстроившись в ряд, с оружием в руках.

По сигналу Меченого стрелки двинулись вперед, и через несколько минут после тщательного выполнения многих формальностей, доказывавших, с какой исключительной точностью относятся здесь к своим служебным обязанностям, они вошли в зал аудиенций, где с минуты на минуту ожидали выхода короля.

Несмотря на то что Квентин был здесь новичком и не имел представления о пышности и блеске королевского двора, то, что он увидел, не оправдало его ожиданий. Были тут, правда, и придворные в роскошных костюмах, и телохранители в блестящих доспехах, и множество слуг, но Дорвард не видел ни старейших государственных сановников, ни самых знатных вельмож королевства и не слышал ни одного из имен, звучавших призывным набатом для рыцарства тех времен. Не было тут ни великих вождей, ни старых заслуженных генералов, составлявших силу Франции, ни блестящей, жаждущей славы и подвигов молодежи, составлявшей ее гордость.

Несколько человек, присутствовавших здесь, очевидно, в качестве советников, были все люди весьма непривлекательной наружности. Правда, у некоторых лица выражали недюжинный ум, но их осанка и манеры показывали, что они попали в среду, для которой не были подготовлены воспитанием. Впрочем, двое или трое из них показали Дорварду по виду более благородными, а так как на этот раз служебные обязанности Лесли не мешали ему болтать, то Дорварду удалось узнать имена заинтересовавших его лиц.

С лордом Кроуфордом, присутствовавшим здесь в полной парадной форме, с серебряным жезлом в руке, Квентин, как и читатель, был уже знаком. Из других обративших на себя его внимание самым замечательным был граф Дюнуа, сын знаменитого Дюнуа, известного под именем Бастарда Орлеанского, который, сражаясь под знаменем Жанны д'Арк, сыграл такую видную роль в освобождении Франции из-под ига англичан. Сын его с честью носил славное имя отца и, несмотря на свое родство с королевским домом и на давнишнюю любовь к нему дворянства и народа, сумел благодаря своему честному, прямому и открытому характеру избежать подозрений даже со стороны недоверчивого Людовика, любившего видеть

Дюнуа при себе и иногда даже призывавшего его для совета. Но, отличаясь храбростью, ловко владея оружием и обладая всеми качествами настоящего рыцаря, граф отнюдь не мог служить образцом красоты. Широкоплечий и коренастый, смуглый и черноволосый, с несомерно длинными мускулистыми руками, он был слишком мал ростом; к тому же у него были кривые ноги, что очень удобно для всадника, но не очень красиво для пешехода.

Под руку с Дюнуа, словно нуждаясь в поддержке своего родственника, медленно и задумчиво шел герцог Орлеанский, первый принц королевской крови (впоследствии король Людовик XII); стража отдала ему подобающую честь, а все присутствующие низко поклонились. Людовик относился с ревливой подозрительностью к этому принцу, который должен был взойти на престол, если бы Людовик умер, не оставив наследника, и принц не смел отлучаться от королевского двора, при котором он не занимал никакой определенной должности и не пользовался ни популярностью, ни почетом. Такое унижительное положение, очень похожее на неволю, не могло не отразиться на характере бедного принца, несчастья которого усугублялись еще тем, что король хотел женить его силой на своей младшей дочери, принцессе Жанне. С ней принц с детства был обручен; но принцесса была до того безобразна, что настойчивость короля смотрелась в данном случае возмутительной жестокостью.

Внешность у этого злосчастливого принца была самая заурядная, но видно было, что это человек добрый, кроткий и чистосердечный, несмотря на выражение уныния и отчаяния, постоянно омрачавшее его лицо.

Совершенно иначе держал себя гордый кардинал и прелат Жан Балю. Людовик взял своего служителя из самого низкого слоя общества и поднял его до высокого звания или, по крайней мере, до огромного оклада великого раздатчика милостыни Франции, осыпал бенефициями и выхлопотал для него кардинальскую шапку; словом, сделал все возможное, чтоб кардинал не избежал обычного заблуждения людей, неожиданно поднимающихся из самых низов к полноте власти. Ослепленный быстротой своего возвышения, он сразу уверовал в свою способность вести какие угодно дела, хотя бы даже такие, которые были ему совершенно чужды и непонятны. Вплоть до того, что позволял себе, торжественно проходя мимо шотландских стрелков, делать им замечания самым авторитетным тоном, а иногда он даже распекал того или другого из них за то, что он называл отступлением от дисциплины, так что опытные воины, хоть и не смели ему возражать, слушали его с видимым презрением и досадой.

– Известно ли королю, – спросил Дюнуа кардинала, – что бургундский посол требует немедленной аудиенции?

– Как же, – ответил кардинал. – А вот, кажется, и сам всеведущий Оливье ле Дэн, который, вероятно, не замедлит передать нам волю короля.

И правда, не успел он договорить, как из внутренних королевских покоев вышел знаменитый Оливье, любимец Людовика, деливший его расположение с гордым кардиналом, но не имевший с ним ничего общего ни во внешности, ни в манере себя держать. В противоположность высокомерному и напыщенному прелату, Оливье был маленький худой человек с бледным лицом, в самом простом и скромном черном шелковом камзоле и таких же панталонах и чулках. Серебряный таз, который он держал в руке, и перекинутое через плечо полотенце указывали на его скромную должность. Лицо его отличалось живостью и проницательностью, однако он старался скрыть это выражение и ходил, скромно опустив глаза, или, вернее, скользил неслышно, как кошка, словно стараясь прокрасться незамеченным. Но мог ли пройти незамеченным через приемный зал человек, который, как всем было известно, возымел такое огромное влияние на короля, что добился полного забвения имени Оливье ле Дэн, и которого иначе и не звали, как Оливье Негодяй или еще – Оливье Дьявол! Эти прозвища были даны ему за ту чисто дьявольскую хитрость, с какой он помогал королю приводить в исполнение его вероломные замыслы. Озабоченно пошептавшись о чем-то с

графом Дюнуа, который тотчас же вышел из зала, Оливье повернулся и направился опять во внутренние покои, причем все почтительно уступали ему дорогу. Отвечая на ходу униженными поклонами на эту учтивость, он раза два-три остановился, чтобы наскоро шепнуть несколько слов кое-кому из присутствующих, на этот раз Людовик Лесли оказался в числе, удостоившихся беседы Оливье, который сообщил ему в двух словах, что его дело улажено.

Вслед за тем явилось и другое подтверждение этого приятного известия. В зал вошел старый знакомый Квентина, Тристан Отшельник, великий прево, главный начальник королевской полиции, и прямо направился туда, где стоял Меченый. Блестящая парадная форма еще резче оттеняла его грубое лицо и зловещее выражение глаз, а приветливый тон, которым он старался говорить, больше всего напоминал рычание медведя. Однако смысл его речи был дружелюбнее тона, которым она была произнесена. Он очень сожалел о вчерашнем недоразумении, но произошло оно не по его вине, а по вине племянника господина Лесли, который был не в форме и ни словом не заикнулся о том, что служит в королевской гвардии. Это обстоятельство и стало причиной ошибки, за которую он, Тристан, просит теперь его извинить.

Людовик Лесли дал подобающий ответ, но, как только Тристан отошел, сказал племяннику, что теперь они нажили себе смертельного врага в лице этого человека.

– Впрочем, мы для него дичь слишком высокого полета, – добавил он. – Солдат, добросовестно исполняющий свой долг, может не бояться даже великого прево.

Между тем Оливье, обойдя зал так, как было описано выше, прошел опять во внутренние покои. Все, даже самые высшие придворные, расступались перед ним и приветствовали его самым почтительным образом, хотя он, как бы из скромности, делал вид, что весьма смущается этим. Вскоре дверь, за которой он скрылся, широко распахнулась, и в зал вошел Людовик.

Взгляд Квентина, как и взгляды всех присутствующих, обратился в ту сторону, и он так сильно вздрогнул, что чуть не выронил оружия: во французском короле он узнал дядюшку Пьера, своего вчерашнего знакомого. Уже много раз после их встречи в уме его мелькали самые разнообразные догадки о том, кто этот таинственный человек, но действительность далеко превзошла самые смелые его предположения.

Строгий взгляд Лесли, недовольного таким нарушением торжественной церемонии, заставил Квентина опомниться. Но каково же было его изумление, когда король, чьи быстрые глаза сейчас же отыскивали его, направился прямо к нему, ни на кого не обращая внимания.

– Итак, молодой человек, – сказал ему Людовик, – ты, говорят, в первый же день своего прибытия в Турень уже успел набедокурить. Но я прощаю тебя, потому что во всем виноват этот старый дурень купец, вообразивший, что твою шотландскую кровь нужно с утра подогревать добрым вином. Если мне удастся его разыскать, я примерно накажу его, в острастку тем, кто вздумает развращать мою гвардию... Лесли, – продолжал король, обращаясь к Меченому, – твой родственник – славный юноша, хоть и горяч. Впрочем, мне по душе такие молодцы, и сегодня я больше, чем когда-либо, готов ценить заслуги моих верных и храбрых стрелков. Прикажи записать год, день, час и минуту рождения твоего племянника и передай записку Оливье.

Меченый поклонился до земли и сейчас же снова принял неподвижную позу солдата, как бы желая показать этим быстрым движением свою готовность броситься на защиту короля или действовать по первому его слову. Между тем Квентин, придя в себя после первой минуты изумления, принялся внимательно рассматривать короля и очень удивился, заметив, до какой степени его обращение и лицо изменились с их первой встречи.

Правда, в одежде его не произошло почти никакой перемены. Людовик всегда презирал щегольство, и теперь на нем был довольно поношенный темно-синий охотничий костюм, лишь немногим получше его вчерашнего камзола. На голове вместо вчерашней шапки с

одним образком была шляпа, усаженная кругом простыми оловянными образками многих святых. Но глаза его сегодня блестели гордо и проницательно, как взгляд могущественного и мудрого властелина, а резкие морщины на лбу, которые вчера он приписывал действию многих лет, наполненных мелкими торговыми расчетами, сегодня казались ему бороздами, проведенными мыслью, следами глубоких размышлений о судьбах народов.

Вслед за королем в зал вошли принцессы с дамами своей свиты. Старшая, вышедшая впоследствии замуж за Пьера де Бурбона и известная в истории Франции под именем мадам де Боже, имеет мало отношения к нашему рассказу. Она была высокого роста и довольно красива, обладала даром слова и унаследовала тонкий ум отца, питавшего к ней большое доверие и любившего ее, насколько он был способен любить.

Младшая, несчастная Жанна, нареченная невеста герцога Орлеанского, робко шла рядом с сестрой. Она совершенно не имела тех внешних преимуществ, которыми обыкновенно так дорожат и которым так завидуют женщины. Болезненная с виду, она была худа, бледна и кривобока; у нее была такая неровная походка, что она казалась хромой. Прекрасные зубы, выразительный, нежный и грустный взгляд и густые русые волосы были единственными привлекательными качествами, о которых сама лесть едва ли осмелилась бы сказать, что они искупают ее безобразие. Чтобы закончить портрет, можно добавить, что небрежность туалета и робость манер принцессы доказывали, что она мучительно сознает всю свою непривлекательность и даже не делает ни малейшей попытки исправить при помощи искусства то, в чем отказала ей природа.

Король, не любивший младшую дочь, подошел к ней, как только она вошла.

— А, дочь моя... Куда это ты так нарядилась сегодня утром — на охоту или в монастырь? Отвечай!

— Куда прикажете, государь, — еле слышно ответила принцесса.

— Я знаю, Жанна, тебе хотелось бы уверить нас, что твое заветное желание — покинуть двор и отказаться от света и мирской суеты. Но, любезная дочь, мне и еще кое-кому лучше известны твои настоящие мысли... Не правда ли, герцог? Подойдите, любезный наш брат, и предложите руку этой преданной деве, чтобы помочь ей сесть на коня.

Герцог Орлеанский вздрогнул при этих словах и поспешил исполнить приказание короля, но сделал это так неловко и с таким смущением, что король не преминул ему заметить:

— Потихе, потихе, любезный кузен! Умерьте свой пыл... Смотрите, что вы делаете. К каким сумасбродствам приводит иногда влюбленных их торопливость! Вы чуть было не спутали руку своей невесты с рукой ее сестры. Не прикажете ли мне самому подать вам руку Жанны?

Несчастный принц поднял глаза и содрогнулся, как ребенок, которого заставляют дотронуться до предмета, внушающего ему инстинктивное отвращение. Однако, сделав над собой усилие, он взял безвольно опущенную руку принцессы. Когда эта молодая пара стояла потупившись, причем трепещущая рука жениха еле касалась холодных, влажных пальцев невесты, трудно было решить, кто из двоих несчастнее: герцог ли, чувствовавший себя связанным неразрывными узами с той, к кому он питал лишь отвращение, или бедняжка принцесса, вполне сознававшая, какое чувство она внушает тому, чью любовь она охотно купила бы ценой собственной жизни.

— А теперь на коней, господа! — сказал король. — И да благословят Бог и святой Губерт нашу сегодняшнюю охоту!

— Боюсь, что мне придется вас задержать, государь, — сказал вернувшийся тем временем граф Дюнуа. — Бургундский посол ждет у ворот. Он требует немедленной аудиенции.

— Требуется? — переспросил король. — Но разве ты не сказал ему, как я передал тебе через Оливье, что сегодня я принять его не могу, а завтра праздник святого Мартина, который

мы, с помощью Божьей, не желаем осквернять земными помыслами? Послезавтра же мы отправляемся в Амбуаз. Но, возвратившись оттуда, примем его, как только нам позволят другие неотложные дела.

– Я все сказал ему, государь, – ответил Дюнуа, – но он все твердит...

– Черт возьми! Друг мой, что у тебя застряло в горле? Видно, слова этого бургундца трудно проглотить?

– Если бы меня не удерживали мой долг, приказания вашего величества и неприкосновенность личности посла, я бы заставил его самого проглотить эти слова, государь. Клянусь Орлеанской девой, я бы охотнее заставил его проглотить их, чем передавать вашему величеству!

– Но, боже мой, Дюнуа, как странно, что ты, сам всегда такой горячий, так строг к тому же недостатку нашего взбалмошного и пылкого брата Карла Бургундского, – сказал король. – А я, право, друг мой, так же мало обращаю внимания на его дерзких послов, как башни этого замка – на северо-восточный ветер, который дует из Фландрии и принес нам этого неожиданного гостя.

– Так знайте же, государь, – ответил Дюнуа, – граф де Кревкер ждет у ворот с трубачами и со всей своей свитой. Он объявил, что, если ваше величество откажете ему в аудиенции, он будет ждать хоть до полуночи, ибо его господин приказал ему требовать немедленного свидания с французским королем и дело его не терпит ни малейшего отлагательства. Он сказал, что добьется своего и переговорит с вашим величеством в любой час, как только вы выйдете из замка и куда бы вы ни шли, государь: по делам, на прогулку или на молитву, и что ничто, кроме грубой силы, не заставит его изменить свое решение.

– Он дурак, – сказал невозмутимо король. – И сумасброд. Что ж теперь, прикажете кормить собак, друг Дюнуа? А вместо охоты назначить совет?

– Государь, – добавил Дюнуа, – он говорит, что если вы не дадите ему аудиенции, то, по приказу своего господина, он прибьет перчатку к воротам вашего замка в знак того, что герцог отказывается от верности Франции и немедленно объявляет ей войну.

– Вот как! – сказал Людовик, не меняя тона, но его косматые брови так нахмурились, что на минуту почти совсем закрыли черные пронзительные глаза. – И так говорит с нами наш старинный вассал! Так обращается к нам наш любезный кузен!.. Ну что же, Дюнуа, придется нам развернуть наше боевое знамя.

– В добрый час, государь, слава богу! – радостно воскликнул воинственный Дюнуа.

А королевские стрелки, не в силах обуздать охватившее их чувство, зашевелились на своих постах, так что по залу пронесся не громкий, но отчетливый звон оружия. Король поднял голову и гордо посмотрел вокруг; в этот миг он выглядел и думал, как его герой отец.

Но Людовик не был бы самим собой, если б не понимал, откуда на самом деле дует ветер. Конечно же, не из Фландрии, а из открытого англичанам порта Кале. Король опять загадочно улыбнулся и шепнул Дюнуа:

– Может быть, придет скоро время, когда мы с тобой поднимем гвардию... А пока потерпим, мой друг: будем тасовать карты, пока не добьемся хорошей игры. И... давай сюда посла.

Ровно в эту минуту звуки труб во дворе возвестили о прибытии бургундцев. Все присутствующие поспешили разместиться по старшинству вокруг короля и его дочерей, как того требовал этикет.

В зал вошел граф де Кревкер, известный своей храбростью. Вопреки обычаю, принятому у послов дружественных держав, он был в полном вооружении и только с непокрытой головой. На нем были великолепные стальные латы миланской работы, выложенные фантастическими золотыми узорами. С шеи, поверх блестящего панциря, спускался бургундский орден Золотого Руна – в то время один из почетнейших рыцарских орденов. Красивый паж

нес за ним его шлем; впереди шел герольд с верительными грамотами, которые он, преклонив колено, протянул королю.

– Подойдите, граф де Кревкер, – сказал Людовик, бросив мимолетный взгляд на поданные ему бумаги. – Мы не нуждаемся в верительных грамотах нашего кузена, чтобы принять столь славного воина, и не сомневаемся, что он вполне заслуживает доверия своего господина. Надеемся, что ваша прекрасная супруга, в жилах которой течет кровь наших предков, находится в добром здравье. Если бы вы явились рука об руку с нею, граф, мы могли бы подумать, что вы надели ваши доспехи, чтобы отстаивать первенство ее красоты перед всеми влюбленными рыцарями Франции. Но сейчас мы положительно отказываемся понять, что означает ваш воинственный вид.

– Государь, – ответил посол, – граф де Кревкер оплакивает свое несчастье и просит прощения у вашего величества, но в настоящем случае он не может отвечать вам с той смиренной почтительностью, с какой он обязан говорить с государем, удостоившим его своей королевской милости. Но Филипп Кревкер де Корде говорит не от своего имени: устами его говорит его доблестный государь и повелитель герцог Бургундский.

– Что же скажет нам герцог Бургундский устами графа де Кревкера? – спросил Людовик с царственным достоинством. – Постой! Не забывай, что в эту минуту Филипп Кревкер де Корде говорит с государем своего государя.

Кревкер поклонился и, гордо выпрямившись, проговорил громким голосом:

– Король французский! Великий герцог Бургундский еще раз шлет вам письменный перечень обид и притеснений, совершенных на его границе чиновниками и гарнизонами вашего величества.

Король мельком взглянул на бумаги, которые держал перед ним коленопреклоненный герольд, и сказал:

– Это дело давно уже рассмотрено нашим советом. Некоторые из перечисленных здесь оскорблений были лишь возмездием за обиды, нанесенные моим французским подданным; другие ничем не доказаны, а третьи уже отомщены войсками и гарнизонами герцога. Если же найдутся еще и такие, которые не подойдут ни под одну из вышеуказанных рубрик, то, разумеется, мы, как христианский король, никогда не откажемся дать за них должное удовлетворение нашему соседу, хотя все незаконные поступки на нашей границе были сделаны не только без нашего ведома, но и вопреки нашим строжайшим повелениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.